

Пусть эта пара живет вечно-счастливо. Пусть их жизнь будет сладкой. Родители и я получают удовольствие, счастье от детей. Наступит время, и Рива родит первенца, как ей будет суждено. Целую Вас всех издалека...».

Самым главным делом в еврейской семье считалось выдать дочь замуж за хорошего парня. Поэтому так переживали родители, родственники, у которых в семье росла девочка, чтобы в жизни ей не пришлось страдать из-за неудачного замужества.

Пожелания мира их дому, семейного счастья, благополучия, переданные в этом письме, вот уже несколько десятилетий сопутствуют им. В семье моей сестры, вышедшей замуж за русского парня, растут два замечательных сына. Их характер и душа, насколько их знаю, – это часть родителей, мамы, бабушки, тети Гали и других поколений родственников, переданная с генами и живущая в них.

Расставание было нелегким. Прощание с родными переносится всегда тяжело, встречать долгожданных гостей намного приятнее. Мы понимали, что больше уже не встретимся. Тетя обняла меня за плечи, прижала к себе, слез не было, они уже давно были выплаканы. Чувствовалась только тяжесть этой разлуки. Что я мог для неё сделать? Единственное – передать её племяннице, моей маме, с которой они не виделись более тридцати лет, привет и наилучшие пожелания. На память они подарили две маленькие серебряные ложечки ручной работы с клеймом мастера конца восемнадцатого века – семейную реликвию, которую я потом передал своим детям. Пожелав им *а гройсэр гззунт* – большого здоровья, сел в автобус с тоской и грустью – оттого, что ничем им не могу помочь и никого из них больше никогда не увижу.

Тетя запомнилась мне как воплощение добра и справедливости. Мы иногда удивляемся, что люди, испытавшие войну, прошедшие через тяжелейшие невзгоды, продолжают жить ради других, олицетворяя собой символ веры, надежды, любви.

За все годы, прожитые нашей семьей в Биробиджане, несколько раз приезжал папин брат, один и с женой, и как-то раз в гости приехал Нюся, один из родственников по маминей линии. Мне было в то время шесть лет.

Нюся был молодым парнем лет двадцати пяти, с темно-коричневыми глазами и почти черными, слегка выющимися волосами, чуть касающимися плеч. Он погостил у нас неделю, но и этого хватило, чтобы в памяти остались самые волшебные воспоминания о его чудесах и магии.

В те годы только заезжие гастролёры да ещё картёжники во дворах показывали фокусы. А здесь, дома, на деревянном полу, при свете керосиновой лампы, в двух метрах от меня, танцевали две куклы, изготовленные Нюсей днем из обычного картона. Дэвиду Коперфильду он дал бы, без сомнения, фору. Я никак не мог понять, как это у него получается. Он сидел чуть в стороне от кукол и в такт музыке покачивал головой, с улыбкой глядя на мои широко открытые глаза.

Эти две картонные куклы до сих пор изредка приходят ко мне во сне, они танцуют танго под музыку с какой-то старинной граммофонной пластинки, а Нюся улыбается и вкрадчиво мне говорит:

– Не приближайся к ним, ты им будешь мешать танцевать.

Так и остался неразгаданным их танец. Через год после отъезда Нюси родители сказали, что их семью куда-то выслали. Что они могли сделать такого, какой закон нарушили, чтобы всех отправить на поселение, этого мы так и не узнали, так как писем от них больше не приходило.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Моя бабушка в свои пятьдесят с хвостиком выглядела лет на десять моложе. Родители её были небедными людьми, дали всем своим детям образование. Она свободно говорила, читала и писала на идиш, знала много веселых и грустных еврейских песен и детских сказок.

Своей жизнью бабушка многому научила меня. Как говорится, с молоком матери я впитал в себя устои еврейской семьи, идиш, который начал понимать ещё в детстве, не умея ни читать, ни писать, кухню, которую не поменяю ни на какую другую, почитание родителей и многие другие традиции. Как-то раз она даже попыталась научить меня писать на идиш, но то ли ей терпения не хватило, то ли я оказался неусидчивым учеником, но занятия эти продолжались недолго.

Когда она пекла в духовке треугольные уши Амана – на идиш они называются *хменташ*, – то по ходу говорила, что это был злой царь, который хотел уничтожить евреев, его уже давно нет, но мы по-прежнему вспоминаем счастливое спасение нашего народа. Поедая с удовольствием эти уши, посыпанные маком, я воображал, что приобщался к расправе над злодеем.

Бабушка была красивой, интеллигентной женщиной с правильными чертами лица, черными вьющимися волосами, спокойными и мудрыми черными глазами. Насколько я понял из разговоров родителей, она никогда не работала – растила детей и хозяйничала в доме. Была немногословна, но к её мнению всегда прислушивались. В доме бабушка была главная, вела на идиш список расходов и учила маму вести семейный бюджет. Да-

Бабушка Фейга. А мне один год

же сходить на рынок выбрать овощи, купить курицу она не доверяла невестке.

Так получилось, что папу с моей будущей матерью познакомил именно бабушка. В один из походов на рынок за продуктами она подошла к симпатичной молодой девушке, разговорилась с ней и предложила познакомить её со своим сыном.

Как рассказывала потом моя мама, они больше часа стояли на рынке и разговаривали о жизни. В 1947 году она с братом Шурой завербовались в Биробиджан, где по прибытии их определили в пригородный колхоз – ныне село Птичник. Во время войны они остались круглыми сиротами. Где-то по дороге самолеты разбомбили колонну беженцев, и родители их погибли.

За это короткое время женщины успели подружиться и понравиться друг другу. Мама таки согласилась зайти в гости. Ей только что исполнился 21 год, и была она как бутон розы. И имя у неё было Роза.

Так мои родители и познакомились, а через год справили свадьбу. Ещё через год родился я. В память о старшем сыне, не вернувшемся с войны, дед назвал меня Иосифом.

Свои первые шаги по широким крашеным деревянным доскам в нашем доме помню весьма смутно. Но когда через два с половиной года родилась сестра Рива и еще через два – брат Ефим, их шаги уже совершались с моим участием.

Наш дом был для меня центром города. С одной стороны по перекинутому через зеленое болото с лягушками узкому деревянному мостику, где вдвоем нельзя было разойтись, можно было пройти к Бирторгу и к магазинам на улице Калинина, там же был и вокзал.

Это название улица получила после принятия постановления президиума Биробиджанского городского совета 19 ноября 1935 года. В связи с шестидесятилетием М.И. Калинина было решено переименовать улицу Привокзальную в улицу М.И. Калинина. В этом же постановлении имя М.И. Калинина было присвоено крупнейшей еврейской школе-десятилетке в г. Биробиджане.

Почти через центр города проходила Транссибирская магистраль. Паровозы делали на нашей станции остановку, чтобы заправиться – наполнить котлы водой. Две огромные колонки стояли вдоль железнодорожного пути, и к ним медленно подкатывались огромные железные машины с красиво раскрашенными паровыми баками, с большой красной звездой впереди и мощными ведущими колесами.

После заправки машинист давал протяжный гудок, который было слышно в любом конце города, и пар с силой вырывался из клапана, поднимаясь метров на пять вверх. Колеса с пробуксовкой медленно и постепенно раскручивали обороты, и паровоз набирал ход. Летом мы с пацанами часто приходили смотреть на это завораживающее зрелище и ещё для того, чтобы расплющить под колесами паровоза медные монетки, которые становились большими и гладкими.

С другой стороны дома находилась станция скорой помощи. Вдоль нашего переулочка стоял почти трехметровый забор пивзавода. Этот забор с колючей проволокой по периметру, да и сам завод в центре города строили заключенные. Утром в ворота въезжали крытые грузовые машины, а вечером возвращались обратно, увозя заключенных в лагерь. С соседскими мальчишками мы пытались что-то разглядеть в узких щелях между высокими нестрогаными досками, но так за время строительства и не поняли, что там происходит.

Центр города. Мой брат, Ефим, возле огорода рядом с нашим домом. Сегодня там находится здание УВД ЕАО. 1958 год

Переулок с улицы Ленина, ведущий к нашему дому. Слева забор пивзавода

Ул. Ленина. 1957 год

На этом пятачке между двух улиц, кроме нашего, стояли ещё два частных дома. Все они летом утопали в зелени фруктовых деревьев, кустов вишни, смородины, малины, картошки, полыни, конопли, растущей вдоль переулочка, по которому бродили огромные соседские индюки и гуси, не дававшие мне пройти на улицу Ленина. Или я, или мои шаровары им почему-то очень не нравились.

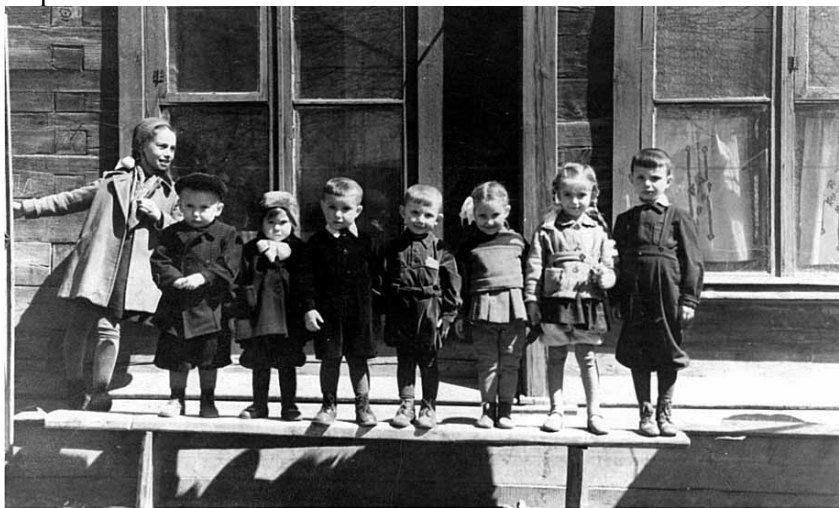
Улица Ленина, выложенная из серого бута, была как стиральная

доска для проезжавших по ней машин, которые дребезжали стеклами и кузовами. Мы тоже, бегая по дороге, то и дело спотыкались об эти камни. На улице стояли два деревянных дома, которые были знакомы всем жителям города, – дом врачей и дом учителей. Там жила городская интеллигенция.

Но подрастающая молодежь считала главным наш «биробиджанский Бродвей» – так называли улицу Октябрьскую, пересекавшую улицу Ленина. Кто дал ей это имя, вряд ли вспомню, но мы знали, что в далеком от нас Нью-Йорке есть такая главная улица.

Мне было приятно, что я жил на улице Калинина, – папа рассказывал о людях, совершивших революцию в России, чьими именами были названы наши улицы. Даже казалось раньше, что имя мне дали в честь Сталина, и я немножко этим гордился.

Биробиджан пятидесятых годов – сплошь деревянные одно- и двухэтажные дома. Только несколько школ и административных зданий были построены из шлакоблоков и кирпича.

Биробиджанские дети. 1958 год

Биробиджанские дети. 1958 год

Мой детский сад располагался также в двухэтажном деревянном доме на сегодняшней площади Ленина. Из окна второго этажа были видны наша сопка и берег Биры. Идти к детсаду, как мне казалось, нужно было через весь Биробиджан. Зимой было намного проще. Меня заворачивали поверх пальто в шерстяные платки и одеяла, оставляя только маленькую щелочку для глаз, и везли на деревянных санках в садик. Иногда вместе с санками я переворачивался в сугроб и лежал, завернутый в кулек, пока меня не усаживали обратно в сани.

При тусклом свете керосиновой лампы, мерцающем от дуновений даже слабого ветерка из открытой форточки, медленно протекала жизнь в нашем доме. Редко когда допоздна задерживались гости, понимая, что предстоит уборка в полутьме, да и у них дома возникнут те же проблемы.

Родители не позволяли нам делать уроки при таком освещении, чтобы не портить зрение. Но были и приятные вечера, проведенные при свете этих ламп. «Шабат Шолом» – говорят в канун *шабеса*, или субботы. После обеда в пятницу вспоминают об этой вечной заповеди, и начинается подготовка к предстоящему отдыху от дел праведных. Обычно в субботу морозным зимним вечером, когда рано темнело и за окном вьюга кружила в хороводе хлопья снега, заклепывая окна, вся семья собиралась за круглым раздвижным деревянным столом.

Мама с нашей помощью накрывала на стол, стоявший почти рядом с печкой, от которой исходило мягкое тепло, и при свете пары керосиновых ламп, открытых на полную мощность, мы приступали к субботней трапезе: кипятили чай в большом медном чайнике. На стол ставили варенья и печеное, приготовленные бабушкой, на которые она была большая мастерица.

Что она делала из теста, добавляя туда различные варенья и фрукты, не знаю, но с тех пор не пробовал ничего вкуснее, да и таких названий больше не слышал. Ни один праздник не обходился без её кулинарных творений.

К каждому еврейскому празднику готовились заранее. Бабушка месила тесто на «уши Амана» к Пуриму, посыпая их маковым зерном, которое выращивали в огороде, готовила к Песаху мацу, из которой потом делала торт «Наполеон».

К Рош га-Шана она обычно пекла два больших эмалированных таза сдобы, пряников, струделей, кеглах и ватрушек – этого хватало почти на неделю.

Не так-то просто было все это приготовить в духовке, оборудованной в печке. Ни стекла, ни градусника – только чутьё, и оно никогда не подводило бабушку.

Чай, как тогда было принято, пили из блюдца, чтобы не обжечься. Папа раскалывал кусковой сахар специальными щипцами, и мы грызли, смакуя и окуная его в граненый стакан. На столе в центре стояла керосиновая лампа. Пламя от фитиля можно увеличить, но это не значит, что он быстро сгорит. Огонь всегда завораживает, а здесь была ещё одна загадка, которая так просто отгадывалась: горит не ткань, а керосин, испаряющийся через этот фитиль.

После ужина папа доставал лото, раскладывались картонки с цифрами, и начиналась игра, в которой кто-то был первым, а кто-то последним. В ходе игры обсуждались дела в школе, работа по дому. Проигравший убирал все на место, и все по очереди шли умываться: кто под умывальником, кто в оцинкованной ванне, а летом на улице под импрови-

зированным душем, из железной черной бочки, в которой вода нагревалась за день иногда до 30–40 градусов.

Зимой, когда в доме гасли лампы, оставался тусклый свет, исходящий от печки. Раскаленная чугунная плита искрилась и отсвечивала, постепенно переходя от светлого малинового отлива к темным тонам по мере угасания печи. Под этот чуть заметный свет и мягкое тепло печки мы обычно быстро засыпали, и снились нам хорошие сны.

Печка печкой, но если надо было приготовить что-то быстро, то заводили медный примус. В этой процедуре мне нравилось накачивать воздух и прочищать очень тонкой проволочкой отверстия, через которые поступал керосин. Летом бабушка давала мне примус и просила очистить песком от копоти, а затем уже сама куском войлока, отрезанным от старого валенка, доводила его до блеска так, что он сиял на солнце золотом.

Обычно утром родители, позавтракав, уходили на работу, наказав, если это было зимой, протопить печь, а мы продолжали нежиться под ватным одеялом, ленясь вылезать из-под него, так как за ночь печь остывала и в комнате становилось зябко.

На меня, как на старшего, возлагались обязанности по дому: наполнить бак питьевой водой из соседнего колодца, в котором я иногда топил ведро. После этого приходилось звать папу или соседей, которые брали «кошку» – что-то похожее на якорь – и на длинной веревке спускали её в колодец, цепляя дужку сорвавшегося ведра.

Позже, когда в городе был проложен водопровод, за водой ходили к колонке, расположенной возле котельной на улице Калинина. Зимой она часто перемерзала, и тогда приходилось экономить воду, используя для мытья посуды растопленные на печке снег и лед.

Не составляло большого труда протопить обе печки и приготовить к вечеру пару ведер угля, чтобы засыпать в топку на ночь, оставив чуть приоткрытой задвижку на печной трубе.

Водопроводная колонка на ул. Калинина

Обычно в воскресные дни мы с папой занимались более серьёзными делами: пилили и рубили дрова. Эта работа не знала времени года, так как приобрести уголь было не так просто. Дрова быстро исчезали, сгорая в печи, а без них не растопишь печь, не сварить обед и не обогреешь дом зимой.

Машин в городе было немного, и считалось за счастье привезти пару кубометров бревен. Горбыль нам иногда привозили на телегах. Мне было жаль лошадь, которая, упираясь, тащила полный воз. Как-то раз летом, пока разгружали дрова, попробовал дать ей немного свежей травы, но она почему-то не стала её жевать. Оказалось, что надо снять узду, а это было уже страшно. На этом мое знакомство с лошадьми закончилось.

Основными инструментами в работе с дровами тогда были двуручная пила, топор и колун. Пила выматывала меня в прямом и переносном смысле до тех пор, пока я не подрос и не окреп. Только тогда я понял, что это за инструмент. Не

зря её в народе прозвали «Дружба – 2». Одному с ней не справиться – только вдвоём можно было распилить бревно.

Чуть позже, когда появились бензопилы, стало намного легче. Папа приводил какого-то знакомого с бензопилой, и мы только успевали оттаскивать чурки. Расчет за работу был простой: мужик с нами обедал, распивая с папой бутылку водки, и получал ещё червонец. Затем чурки превращались в поленья и складывались в дровяники. Колоть их было уже в удовольствие. У папы это получалось отменно. Если чурка не раскалывалась сразу, он, всадив топор, с легкостью её поднимал и с силой опускал топор обухом вниз, после чего чурка обычно разлеталась в разные стороны, а я бегал по двору, собирая половинки, чтобы снова расколоть их на поленья и сложить для просушки. Став старше, я и сам с удовольствием занимался заготовкой дров.

Горбыль использовался как для растопки, так иногда и для дела. Каждый год приходилось разбирать завалинку, чтобы не сгнило основание дома от дождей и наводнений, и свежие доски из горбыля были кстати. Остро заточенным топором папа подтесывал их до нужного размера и сбивал из них завалинку, настилал полы на веранде.

Как-то пришли двое следователей разбираться, откуда взялись доски на веранде. Недоброжелатели были во все времена. Кто-то донес, что у нас во дворе новыми широкими досками застелена веранда. Пришлось папе взять топор и отдирать настил, показывать, что это горбыль, а не доски, благо и квитанция сохранилась. Такие вот были времена. Но был ещё один эпизод в те годы, чуть не ставший, как я сейчас понимаю, серьёзной проблемой для всей нашей семьи.

Однажды в летний день, когда родители были на работе, а бабушка хозяйничала на кухне, я, не зная, чем заняться, решил обследовать старый деревянный сарай, пристроенный к дому, в котором уже давно ничего не хранилось. Ещё до моего рождения дед купил корову и вместе с десятком кур держал в нем эту живность для прокорма семьи. После смерти деда бабушка не захотела заниматься коровой, а ро-

дителям было не до этого – работа и дети не оставляли свободного времени, чтобы вести такое хозяйство.

За прошедшие годы даже запах животных выветрился из сарая. О корове-кормилице напоминала лишь полусгнившая шкура, выделанная в своё время дедом и уже никому не нужная, висевшая на заборе и зимой и летом. Сарай, покосившийся из-за постоянных наводнений, был без окон, и мне пришлось открыть нараспашку дверь, чтобы хоть что-то видеть.

Когда глаза привыкли к полутьме, моё внимание привлекло то, что одна из досок почти сгнила, и я, неосторожно наступив на нее, чуть не угодил в какую-то пустоту под полом. Взяв топор, я легко приподнял доску за край (она уже не держалась на ржавых гвоздях). Под ней лежало что-то тяжелое и длинное, завернутое в уже сгнившую сырую мешковину. Вытащив этот сверок из сарая и развернув, я от удивления ахнул и закричал: «Бабушка, я нашел настоящую винтовку!». Бабушка сразу и не поняла, подумав, что это шутка или я просто играю с палкой, из которой папа мне раньше топором и ножом вырезал что-то наподобие красноармейской винтовки со штыком. Она на летней кухне варила обед, и ей было не до меня.

Воодушевленный находкой, я снова вернулся в сарай, чтобы тщательно обследовать все его углы. К моему изумлению, отодрав уже от стены засыпного сарая несколько прогнивших досок, вытащил непонятную амуницию с какими-то эполетами, шлейками наподобие казачьей портупей и какую-то заржавевшую железяку, напоминающую саблю. После того как я вынес на свет божий весь боекомплект, бабушка удивилась находке не меньше меня.

Из этого арсенала меня больше всего заинтересовала винтовка. Осмотрев её, я понял, что она настоящая и в полном порядке, хотя сплошь была покрыта ржавчиной. Обтерев тряпками металл, попытался сдвинуть затвор. Вначале мне это не удалось, видать, ржавчина съела металл основательно. Постучал молотком с разных сторон – и сдвинулся затвор, щелкнул курком – заработал весь механизм.

Винтовка времен Гражданской войны и амуниция, скорее всего, были спрятаны в сарае прежними хозяевами. Кто они были, почему они не забрали этот арсенал – бабушка не могла сказать.

Разместившись поудобнее на веранде, я стал приводить винтовку в порядок. В ход пошли щепки, песок, подсолнечное масло – все, до чего я мог додуматься в свои семь лет. Десятки раз я уже взводил затвор, мысленно вставляя патрон и прицеливаясь то в подсолнухи, то в сидящих на деревьях птичек, то в ещё какие-то мишени, и нажимал курок, прислушиваясь к его щелчку. Когда мама пришла с работы, ружьё уже имело металлический блеск, затвор и курок работали четко.

Мне хотелось её удивить и обрадовать. Радостно закричав и подняв над головой двумя руками оружие, побежал к ней навстречу. Но реакция мамы, как я почувствовал, оказалась совсем не радостной.

– *Вэй из мир* – где ты это взял? Какой сарай? Ты что, хочешь, чтобы нас всех забрали в милицию? Давай ружьё, я его положу в кладовку, пока папа не придет. И чтоб не смел брать и кому-нибудь рассказывать об этом.

Это настоящая еврейская мама! Как она заботилась о нас в те годы! Чтобы мы были голодными, чтобы ходили в рваной одежде, чтобы к каждому новому учебному году она не сшила нам сама новую школьную форму – такого ни разу не было за все наши школьные годы. И неважно, что школьные костюмчики она перешивала на левую сторону из старого папиного костюма, даже такими они выглядели новыми. Дети растут быстро, и костюм этот нужен был всего на год, да он больше и выдержать не мог.

Винтовка для неё означала войну. Она рано осталась сиротой, и скитания в годы войны вместе с младшим братом вызвали страх перед всем, что могло бы напоминать о тех годах. Когда на торжествах или праздниках ей предстояло говорить тост, то, независимо от всего ранее сказанного, она обязательно говорила: за мир между людьми, чтобы больше никогда ни одного дня не было войны в мире – *зол нит зайнит кен эйн тог мелхоми ин дер вельт.*

*Коллектив ателье № 2. В центре – бригадир П. Вейцер.
Первая слева в нижнем ряду – моя мама*

Папа пришел с работы, когда уже начало смеркаться. Я рассказал ему о своей находке и вытащил винтовку. Удивившись, он взял её, привычным движением открыл и закрыл затвор, сказав, что она действительно настоящая, но показывать её никому нельзя. Я не возражал. На том и договорились. Утром, когда родители ушли на работу, я заглянул в кладовку, но там ничего не было, винтовка исчезла. Я заново облазил сарай, залез на чердак, в подвал, но нигде её не нашел. Бабушка сказала, что понятия не имеет, куда она делась, а родители вечером мне объяснили, что лучше про винтовку забыть, чтобы всем нам не было плохо.

Скорее всего, папа выбросил винтовку в болото за домом, так как если бы он отнес её в милицию, то, вероятнее всего, домой бы уже не вернулся. Ржавую саблю я выбросил сам, металл уже настолько сгнил, что не поддавался чистке, а казачью амуницию съела моль, и она расплзлась, как только начал её примерять. Так пришел конец комплекту военной амуниции времен Гражданской войны.

Но в Биробиджане раскапывали и настоящие клады. Мой бывший одноклассник, Виталий Резников, нашел во время строительных работ, проводившихся в центре города в 1967 году, золотые царские червонцы и пятерки 1902 года выпуска. Часть этого клада растащили дети, часть изъяла милиция, а хозяин его так и не объявился.

Свет в частных домах появился в конце пятидесятых, после пуска в 1957 году первой очереди биробиджанской электростанции. До пуска ТЭЦ предприятия и дома освещались от нескольких мощных дизельных электростанций, расположенных в разных районах города.

Это было событие для Биробиджана. Мы становились цивилизованным городом, где освещались улицы, а в центре, между столбами, перекидывали провода с гирляндами лампочек и в праздники зажигали иллюминацию. По периметру основного корпуса ТЭЦ, со стороны улицы Шолом-Алейхема горели десятки лампочек. На один из праздников на здании была смонтирована из лампочек огромная звезда с расходящимися лучами: электрификация, наконец, дошла до берегов Биры.

Не сразу и не быстро подвели освещение к частному сектору. Если к этому добавить, что вся «механизация» состояла из двух-трех электриков, которым приходилось вручную натягивать провода, то есть залезать с помощью «кошек» (приспособлений для лазания по столбам и деревьям) на каждый столб, подтягивая и закрепляя провода на фарфоровых изоляторах, а затем на следующем столбе все повторять сначала, то можно себе представить, насколько долго продолжалась электрификация окраин Биробиджана.

Хотя наш дом и стоял в центре города, но только через год после пуска ТЭЦ к нам провели свет. Вдоль переуллка вкопали столбы, на которых были натянуты провода. Потом к нам в дом зашли два электрика, которые вначале прибили к стенам и потолку маленькие фарфоровые изоляторы, а затем, скрутив проволоку косичкой, протянули её в комнаты, установили выключатели и розетки. «Да будет свет», – сказал монтер, щелкнув выключателем. Через месяц в центре комнаты на комодике папа установил радиоприемник «Рекорд» с проигрывателем, повесил абажур и купил маме электрический утюг.

Свет в села пришел намного позже. Этот прогресс цивилизации принес и немало бед. Незнание правил техники безопасности приводило зачастую к трагическим последствиям. В домах тогда ещё не было счетчиков, учет электроэнергии и оплата велись самым примитивным способом – в зависимости от количества лампочек и розеток.

В квартирах, чтобы сэкономить, хозяева часто вместо лампочки вкручивали подобие патрона с проводом, на конце которого была самодельная розетка или напрямую подсоединенная электроплитка. Вместо сгоревших пробок ставились «жучки», которые, наравне с самодельными электрообогревателями, прозванными в народе «козлами», зачастую приводили к возгоранию электропроводки и пожару. Высокая пожарная каланча стояла в центре города (на месте центрального рынка), а постоянно дежурившие пожарные машины с ручными насосами без работы не оставались.

Проведенное в дома электричество принесло и много нового, о чем мы раньше и мечтать не могли. В квартирах у людей появились радиоприемники, которые ловили две-три станции, проигрыватели, заменившие патефоны, абажуры и настольные лампы. На смену огромному чугунному утюгу килограммов пять весом, который заправлялся углями, пришел легкий электрический утюг, перегоравший, правда, каждый месяц.

В школу меня приняли в неполные семь лет, что по тем временам не приветствовалось. А когда научился читать и

писать, мне купили проектор для диафильмов. По тем временам это было почти кино. Летними теплыми вечерами у нас во дворе собирались взрослые и дети из близстоящих домов. Когда темнело, во дворе вешали белую простынь. На подоконнике на маленьком стульчике устанавливали диапроектор и через форточку показывали фильмы. В моей коллекции было около тридцати черно-белых и цветных пленок с детскими сказками, рассказами и просто научно-популярными диафильмами. Часто кто-нибудь из соседей приносил новые диафильмы, и мы с интересом их просматривали, оживленно комментируя.

Телевизор появился в начале шестидесятых. На сопке была установлена огромная по тем временам телевышка-ретранслятор. Когда у наших соседей по улице – Рабиновичей – появился телевизор с экраном по диагонали около 15 сантиметров, это событие было почти на грани фантастики. Феликс и Фаина Рабиновичи купили рядом с нами дом. Они были старше наших родителей, прошли войну от начала до конца. В одну из годовщин Победы тетя Полина надела свой китель, и я увидел около десятка орденов и медалей, полученных медсестрой за спасение жизней солдат и офицеров, которых она буквально вынесла на себе ранеными с поля боя.

Их дети Лена и Яша были чуть старше нас, но разница в возрасте не чувствовалась при общении. Когда вечером включали телевизор, у них в доме собиралось столько народу, что ступить было некуда. Дети сидели на полу впереди, задрав головы, взрослые – на табуретках и стульях, принесенных с собой. На таком экране много не разглядишь, и тогда появилась увеличительная линза, стоящая перед ним, дополненная затем изобретенной кем-то трехцветной пленкой, которая давала эффект примитивного цветного изображения. Верх пленки был голубой, средняя полоса – красной, а нижняя – зеленой. Цвета плавно переходили один в другой и при показе пейзажей или концертов создавали ощущение реальности цветовой гаммы.

У кого из наших знакомых и соседей были телевизоры, сосчитать хватило бы пальцев и на одной руке. Телевизионные программы мы смотрели только по вечерам. Тем более что когда наступали сумерки, детей на улицу не пускали.

На правом берегу реки, недалеко от моста жил мой одноклассник Валера Трубачев. И, как одноименный персонаж из детской книжки «Васёк Трубачев и его товарищи», он был совершенно правильным учеником. Как-то раз он пригласил меня в гости.

Небольшой деревянный дом из почерневшего от дождей и солнца кругляка стоял метрах в пятидесяти от правого берега Биры. Вокруг него не было деревьев и кустарника. Возле дома был разбит небольшой огородик, где росли лук, укроп, петрушка, морковь и, конечно, картошка.

Его отец работал смотрителем на реке. Тогда я впервые узнал, что есть люди, которые ведут журнал учета уровня воды в реке, следят за сохранностью бакенов и буев, ведают обозначениями для ходивших тогда по реке маломерных судов. Мы иногда подходили к деревянному мосту через Бирю и высматривали на приколотенной мерной линейке уровень воды в реке.

Мама Валеры пригласила нас к столу пообедать, и тогда я впервые попробовал русский борщ. Наваристый, с перемороженным салом и почти коричневым луком, разбавленный томатом и сметаной так, что жир большими овальными светло-коричневыми пятнами покрывал всю тарелку, он не внушал мне доверия. Это была иная кухня, так как у моей бабушки борщ был и по цвету, и по вкусу, и по качеству совсем другой. Но, как говорят, голод не тетка. Разведя по краям жир, я съел что мог. Его мама никак не могла понять, почему я вожу ложкой по тарелке и плохо ем.

Когда подали толчёнку с жареной рыбкой, со свежими огурчиками, лучком, укропчиком с грядки, то эта привычная еда быстро исчезла с тарелки. Но тот борщ почему-то остался в моей памяти как особенность русской национальной кухни. Кто разбирается в еде, тот понимает, в чем зак-

лючаются различия в кухне, особенно, если варит бабушка. До сегодняшнего дня я предпочитаю то, что приготовлено дома, у моих родственников. Это мне знакомо, привычно, и вкус почти один и тот же. Привычка к определенной еде обеспечивает хорошее настроение. Главное – не объедаться. Но даже если и переел, то ничего страшного не случилось, если учесть, что в основном передвигались пешим ходом.

Летом почему-то подошва на моих сандалиях стиралась так быстро, как будто её обрабатывали наждачным камнем. Иногда через месяц показывал маме сандалию, в которой палец выглядывал из подошвы, и говорил – вот, посмотри, у меня уже протерлась дырка. Для большей убедительности толкал туда палку, чтобы продемонстрировать полный износ. Часто это не вызывало никакой реакции, и мне приходилось бегать по дорожкам босиком, загоняя в пальцы болящие занозы, которые мама выковыривала иголкой, а папа держал меня крепко, чтоб не вырвался. Грязи и луж в округе хватало, и по несколько раз в день нас заставляли мыть ноги, прежде чем пускали домой.

В городе тогда было несколько сапожных мастерских. А главный, как мне казалось, сапожник – дядя Исаак – жил через стенку в нашем общем доме. С его сыном, моим тезкой, который был старше меня на три года, мы часто играли во дворе.

Но для ремонта обуви моя бабушка почему-то часто пользовалась услугами старого хромого Идлыка. Этот невысокого роста молчаливый и добродушный человек, опираясь на палочку и прихрамывая, обходил дворы, собирая в свой большой дерюжный мешок туфли, босоножки, валенки и такие рваные, как у меня, сандалины, а через пару дней всю отремонтированную обувь разносил по домам.

По всей видимости, он брал за свою работу немного денег. Да и его клиентам это было удобно. Не надо было никуда ходить, он все приносил домой в лучшем виде. Но папа не доверял ему свои коричневые китайские туфли и сапоги с верхом из белого фетра. Каждый год я примерял их, надеясь, что скоро у меня нога подрастет, и папа позволит походить в

них. Обувь была из настоящей кожи. Толстая кожаная подошва на сапогах была пробита по всему периметру медными гвоздиками, и сносу им, казалось, не было. Но туфли папа в конце концов сам износил так, что они уже не имели никакого вида, а сапоги, хранившиеся в диване, съела моль.

Кроме Идлыка, в те годы на дому часто делали ремонт и перетяжку диванов. Во многих семьях в домах стояла простая мебель – стол с табуретками, этажерка, комод, кухонный буфет и, в лучшем случае, железные кровати с панцирной сеткой (спали в основном на сбитых топчанах, покрытых ватными матрацами, реже – на кроватях с простой сеткой на пружинах).

Диван в то время был признаком того, что в доме уже есть достаток, так что комфортная мягкая мебель была не в каждой квартире. Но наличие дивана, покрытого красивым покрывалом, ещё не означало, что на нем удобно сидеть или спать.

Технология его изготовления: большие пружины, перетянутые верёвками, – была примитивной, и, соответственно, через год диван требовал ремонта, так как веревки не выдерживали нагрузки, перетирались, и пружины то в одном месте, то в другом торчали из дивана. Мы к этому имели прямое отношение, так как было очень здорово прыгать на диване, когда родители отсутствовали.

Но торчавшие пружины не давали покоя родителям. Обычно летом, в воскресный солнечный день, к нам приходили какие-то люди, выносили диван на улицу и начинали его разбирать до пружин. Затем брали крепкий шпагат, который папа сам проверял на прочность, и начинали перевязывать пружины по известной им схеме. За день они успевали все поменять, и диван, как новый, заносился домой.

Тут и мы пробовали его на прочность, обещая, что больше залезать на него с ногами и прыгать на нем не будем. Но эти обещания забывались, как только родители уходили на работу.

КОГДА ДОМА И ТРОТУАРЫ БЫЛИ ДЕРЕВЯННЫМИ

БАЗАР-ВОКЗАЛ

Если идти от вокзала и свернуть за кинотеатром налево, то с правой стороны дороги можно было увидеть старый, даже по тем временам, деревянный двухэтажный универмаг. Товары, которые были разложены на полках, соответствовали уровню сельского ларька: черные блестящие резиновые калоши, такие же туфли с круглыми носками, кирзовые сапоги, ткани нескольких видов, военное обмундирование, музыкальные инструменты, стеклянная посуда, ведра, кастрюли, рапиры и шпаги (кто на них сражался и зачем они были здесь, не знаю). Но тогда для нас совершить покупку в универмаге было то же, что сейчас сходить москвичу в Охотный ряд.

В пятидесятые годы в универмаге часто продавались вещи китайского производства. Отношения с нашим соседом были добрые и братские. На всей китайской продукции традиционно был ярлык фирмы «Дружба». Это и нательное шерстяное бельё, фонарики, термосы, костюмы, кофточки, вязанные детские костюмчики нежных, чаще небесных цветов, шелковые покрывала с вышитыми на них огромными яркими цветами и птицами из райского сада, толстые шерстяные ковры, шикарные, из лайки, туфли и сапоги и многое другое. За этим товаром часто выстраивались обычные в те годы очереди. Это был не сегодняшний дешёвый китайский ширпотреб, который продают на наших рынках. Качество тех вещей было отменное.

Денег у людей, как мне казалось, особо и не было. Заходили посмотреть на вещи и ещё на тех, кто что-то покупает. Сразу за универмагом была столовая, пропахшая пережженным подсолнечным маслом и прочими общепитовскими запахами. Цены были в ней невысокие, но мои родители

ни разу туда не заходили. С одноклассниками мы забегали выпить чай с булочкой по две копейки. На весь школьный обед родители давали нам в школу ежедневно по двенадцать-пятнадцать копеек, этих денег хватало на то, чтобы пообедать, и иногда даже оставалось на газировку с сиропом или мороженое.

Гастроном. 1951 год

Рядом со столовой, почти на уровне с тротуаром, провалившись в землю по окна, стояло одноэтажное здание фотографии. И хотя напротив, через дорогу, была ещё одна, мы почему-то ходили в эту.

За стеклами больших окон красовались дамочки в шляпках, джентльмены во фраках, какие-то витиеватые виньетки на семейных фото, детки с игрушками и прочие привлекательные снимки. На стене в съёмочном помещении висела картина с морским пейзажем: песчаный берег, пальма и бесконечно голубое, лазоревое море. Даже не верилось, что есть такие райские уголки на земле, где все время светит солнце и ласкает морская волна. В этой фотографии были сделаны первые снимки в моей жизни – с бабушкой и дядей Мишей.

Дядя Миша и я. 1953 год

За углом фотографии сразу начинался рынок. У входа на рынок стояли небольшие ларьки, сапожные будки. Примостившись у забора, сидели два-три чистильщика обуви в затертых, перепачканных ваксой передниках, надраивая туфли до зеркального блеска так, что солнечные лучи сверкали, отражаясь от их поверхности. Они встречали и провожали взглядом проходивших мимо людей, подмигивая и приглашая потенциальных клиентов почистить обувь, чуть ли не хватая их за рукав и заглядывая в глаза.

Колхозный рынок для биробиджанцев в далекие пятидесятые годы был тем местом, где горожане регулярно встречались и с хорошим настроением делали покупки.

В начале тридцатых годов планировалась площадь для базара, на которой предусматривалось устройство ларьков кооперации, крытого рынка для колхозной торговли и стоянки для подвоз. Место было выбрано специально у перекрестка трех дорог. Одна выходила на Валдгеймскую улицу, другая дорога шла в Бирофельд, а третья – на Раздольную улицу.

Это решение для Биробиджана тех лет было, несомненно, правильным, так как город планировалось строить на правом берегу, и колхозная площадь никак не могла нарушить схему размещения будущего города. Но город остался на левом берегу, и базарная площадь оказалась в самом его центре.

Биробиджан – один из немногих городов в мире, где по соседству с рынком сегодня находятся центральная гостиница, рестораны, казино, расположены парки и скверы и прочая городская инфраструктура. Но в этом и есть наша биробиджанская особенность. Где ещё ходят за свежей садовой и огородной продукцией в центр города?

В те годы у входа на рынок покупателей встречал поросёнок визг; вспомнив об утре, запоздало пели петухи и кудахтали уже переставшие нести яйца курицы, которым суждено было попасть в предстоящий шабат на обеденный стол.

С мясом были проблемы, так как в начале пятидесятых горожанам не разрешалось держать на откорме свиней и бычков. Продавали, конечно, жесткую говядину из старой коровы, изредка конину. Это мясо бабушка варила очень долго, чтоб можно было разжевать, но иногда она делала из вымени такое «эсек флейш» (кисло-сладкое мясо), что пальчики можно было проглотить.

По этому поводу мой товарищ, Марат Лисовский, рассказал мне одну историю из своей жизни, отголосок того времени, а может, просто курьезный случай из нашей юности. Откорм поросят в городе считался незаконным. По улицам ходила вооружённая милиция и просто пристреливала несчастных животных, которых жители припрятавали в сарайчиках. Власти строго следили за тем, чтобы в одни руки больше двух буханок хлеба не давали. Если кто-нибудь попадался на этом нарушении, значит, «враг народа», так как скармливает хлеб свиньям.

В 1968 году, когда Марик женился, то, как говорили в Биробиджане, еврейский мальчик попал в русскую семью. Ему было всего 23 года, что считалось для парня нормальным, а женой стала его одноклассница Галина, национальность которой тогда не имела значения. На первых порах жили они у тещи, которая выделила им большую комнату – 16 квадратных метров – в своей маленькой квартирке на первом этаже двухэтажного деревянного дома на Кавалерийской.

В квартире был вырыт подвал, где зимой теща держала обычно 8–10 кур. В тот год, в связи увеличением семейства, теща ре-

шила укрепить здоровье зятя и купила осенью поросёнка для откорма. Поместили его в подпол, может, ещё из-за того страха, который оставался с пятидесятых годов. Курам пришлось потесниться, так как Васька рос как на дрожжах и не хотел делить ни с кем «жилплощадь». Теща нарадоваться не могла тому, что кабанчик быстро набирал вес, и ни у кого не было и в мыслях, как будет окончательно решаться вопрос по освобождению этой «жилплощади».

После Нового года, когда Ваську ещё можно было поднять наверх, теща задумалась. Поросёнка некуда было поместить, зимой теплого помещения не нашли. К весне от домашней кормежки Васька стал «тяжеловесом», и чуть ли не через день велись разговоры о том, что же с ним делать. Небольшой узкий проём в подпол, куда вела лестница, не был приспособлен для того, чтобы вытащить Ваську наружу. Одному человеку его было не поднять, и даже вдвоем сделать это было не под силу. Две недели на семейном совете обсуждали проблемы и делали попытки поднять кабана, но он не поддавался, брыкался копытами и визжал, как настоящая свинья, при малейшей попытке вытащить его. Соседи стучали в дверь с вопросами, что случилось.

Ваську вытащили с огромным трудом. Трое крепких ребят стояли наверху и тащили за веревки, которыми были связаны его ноги, а Марик успокаивал кабана и подталкивал снизу. На поросёнок визг сбежался весь подъезд. Васька в первый и последний раз после долгих месяцев пребывания в темнице увидел божий свет, но такова участь свиней. «Соседи над нами, – вспоминал Марик, – подтрунивали ещё год, над эпопеей по откорму поросёнка, а мы и кур перестали там держать, такой плохой осадок остался с тех пор.»

В воскресенье бабушка обычно ходила на рынок за курицей, там же договаривалась с шойхетом (резником, обученным убою скота и птицы по законам еврейской религии), платила ему за работу. Или же готовила *гефилтэ фиш* – фаршированную рыбу, которую у нас подавали с хреном, подкрашенным соком свеклы. Без рыбы, как известно, не обходится ни один праздничный стол в еврейской семье.

Благо проблем с рыбой летом не было. Несколько рыболовецких колхозов регулярно поставляли живую рыбу, которая была кошерная и не кошерная, но к концу дня вся распродавалась, и, чего греха таить, евреи любили и сладких сомиков, и ротанов.

В сплетенных из ивы клетках сидели кролики, пищали цыплята и гоготали гуси, иногда попадались важные индюки. Чуть поодаль стояли привязанные к столбам коровы, козы. Здесь же из бидонов продавали парное молоко, творог, свежую сметану, по густоте и жирности напоминавшую масло, а также овощи, ягоды и фрукты.

В ларьке кооперации, расположенном в отдаленном углу, скупали шкурки пушных зверей, мед (и производные от него продукты), дикорастущие ягоды, кедровые орехи, грибы, делая на этом огромную прибыль. Все добывалось, ловилось и выращивалось на этой богатой земле и было горожанам вполне по карману.

БИРОБИДЖАНСКАЯ ВДНХ

Во второй половине пятидесятых годов в городе была проведена первая областная сельскохозяйственная выставка-ярмарка. По всей видимости, было указание «сверху» сделать что-то наподобие местной ВДНХ. Место для неё в то время выбрали практически за городом, где сейчас располагается автошкола РОСТО.

Автобусы туда не ходили, и мы с папой и мамой, взяв с собой провиант на дорогу, будто в поход, шли по пыльной дороге, затем немного по шпалам, пока наконец не добрались до входа на выставку.

На площади чуть больше гектара построили навесы от дождя, пару деревянных крытых помещений. На входе установили арку с лозунгами и портретом Н.С. Хрущева в центре.

Для Биробиджана это было событие большого масштаба. Открывали выставку руководители области, играл духовой

оркестр, но самое главное: на нее свезли со всех районов самые лучшие образцы растениеводческой продукции, на которые мы смотрели с удивлением и восторгом.

На первом плане красовалась, конечно, кукуруза. Каждое хозяйство, представлявшее свою продукцию, привезло для обозрения почти трехметровые стебли с огромными початками кукурузы, связанные в большие снопы. Желтоватые тыквы необъятных размеров лежали внизу у стендов, и, казалось, поднять их одному человеку было не под силу.

Картошка, наш второй хлеб, чуть ли не по полкило каждая, составляла гордость каждого представленного на выставке хозяйства, не говоря уже о зерновых культурах и овощеводческой продукции – капусте, переспевших помидорах, зелено-желтоватых огурцах, луке, чесноке и прочем, что было в изобилии выставлено для обозрения посетителей.

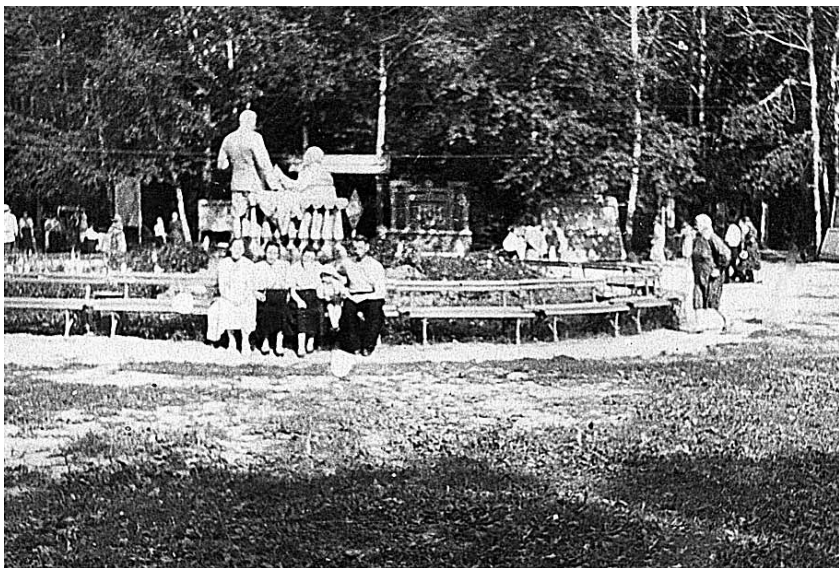
Особый интерес вызвал у всех станок по производству перламутровых пуговиц, которые изготавливались из натуральных ракушек. Откуда привезли ракушки, не знаю, но всех интересовал сам процесс и, конечно, возможность получить на память пару образцов этой продукции. Поработав несколько часов, станок то ли сломался, то ли ракушки кончились, но нам так и не досталась ни одна пуговица.

Всю следующую неделю дома только и было разговоров о том, что вот ведь выращивают у нас в области хорошие овощи, а мы на своем огороде, кроме *цурес* (горя), ничего не можем получить.

ПЕРВОЗДАННЫЙ ПАРК

Зима кончалась, и приходило лето, которое с каждым прожитым годом наполнялось новым содержанием. Старожилы, наверное, помнят наш первозданный парк на острове. Открыт он был в 1936 году. Деревья в нем никто не сажал. Просто вырубали в лесу тропинки и площадки, посыпали их песком, разбили клумбы, посадили цветы, установили несколько памятников вождям революции, построили

пару аттракционов, танцплощадку, где играл духовой оркестр, летний кинотеатр, который не один раз горел и вновь восстанавливался и наконец сгорел дотла.

Вожди народа на клумбе в парке

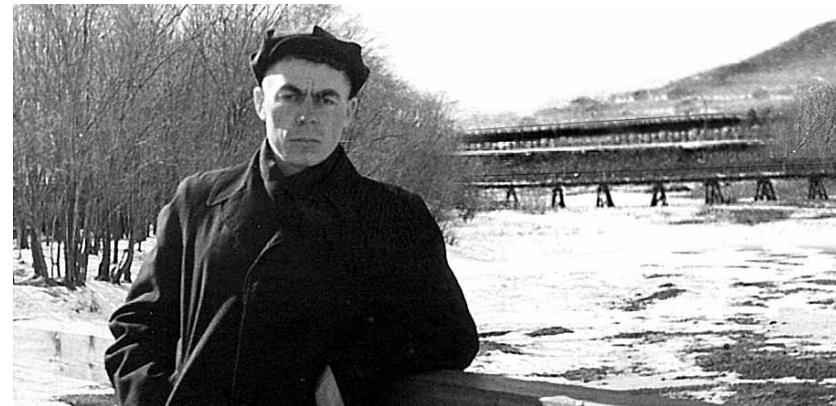
На центральной площади парка, напротив летнего кинотеатра, была сооружена большая клумба. В центре стояла скульптурная композиция: Ленин сидит на скамейке и что-то объясняет Сталину, стоящему рядом. Мне все время казалось, что как-то неправильно расположена вся эта композиция: Ленин, как главный вождь, должен стоять и говорить сидящему Сталину, что надо делать.

Так хотелось подойти к памятнику, присесть рядом и сфотографироваться с ними вместе, но мешали стоящие вокруг клумбы скамейки да ещё страх, что меня не так поймут. После разоблачения культа личности Сталина все памятники из парка исчезли, и не слышно было, чтобы кто-то возмущался по этому поводу.

Летний кинотеатр «Юность» в парке

Рядом с кинотеатром находилось летнее кафе, которое работало до наступления осенней прохлады. С другой стороны площади стоял павильон, где была небольшая библиотека и читальный зал. Несколько столиков были инкрустированы деревянным шпоном под шахматную доску.

Три моста. Первый мост вел в парк, второй соединял парк с островом, третий, дальний – мост через Бирю

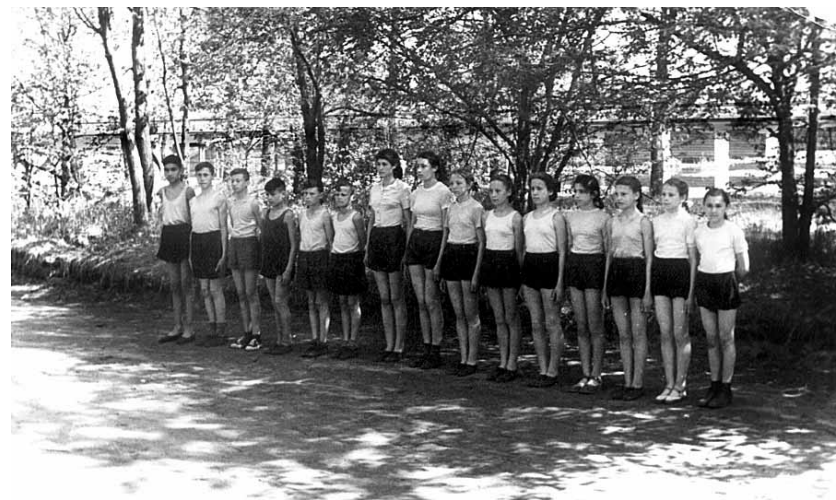
В воскресные дни там разыгрывались такие шахматные баталии, что можно было подумать: проходит чуть ли не чемпионат мира. В нем принимали участие интеллигентные пожилые евреи, успевавшие между ходами перекинуться на идиш репликами или последними новостями. Тут же включались в разговор соседи, пока кто-нибудь не говорил громко: ша, не мешайте мне делать ход. В шахматы играли допоздна, пока солнце не опускалось за сопки и не зажигались фонари на столбах. Уставшие игроки шли в стоявшее напротив кафе выпить кружку пива и договориться о следующем матче-реванше.

Попасть в парк летом можно было только через пешеходный мост длиной более ста метров и шириной метра два. Вход был платный – пятак, но с детей плату не брали. Держась крепко за руки родителей, я стремился этот мостик пройти быстрее. Доски при ходьбе скрипели; было такое ощущение, что они не выдержат. В конце концов мост развалился из-за прогнивших после наводнений деревянных опор, и к парку проложили насыпную дорогу.

Прогулки в парке всегда были интересны. Мы бродили по его тропинкам, как по таежному уголку дальневосточной тайги, наслаждались девственной природой, которую не хотелось покидать.

С десятков разных видов птиц щебетали на ветках деревьев, порхали огромные бабочки-махаоны и стрекозы. Аромат зелени, таёжной дикой белой сирени, черемухи, боярышника, дикой ранетки, цветов на клумбах разливался и чувствовался уже на подходе к парку.

Запахи сменялись в зависимости от поры цветения растений, и поэтому каждый раз ты как будто попадал в новый мир ароматов. Уже учась в старших классах, мы приходили в парк готовить уроки. Осенью на засыпанных дорожках бегали стометровки и кроссы, поднимая в вихре опавшую с крон разноцветную листву, похожую на сусальное золото с красным и соломенным оттенком.

Урок физкультуры в парке. За деревьями виден мост, ведущий в парк. 1958 год

Арочный мост в парке

Летом парк был излюбленным местом отдыха горожан. На спортивных площадках проходили баталии по волейболу и баскетболу, стрельбе, теннису и шахматам. Тенистые аллеи прерывались небольшими ажурными деревянными мостиками, переброшенными через мелкие протоки реки, в которых плескались маленькие разноцветные синявки и пескари с гольянами. Пересекавшие парк в нескольких местах горбатые мостики создавали какую-то сказочную атмосферу. Казалось, что сейчас из-за деревьев выйдет какой-нибудь лесной зверь, и ты остановишься как вкопанный, не зная, что делать.

Как-то в начале шестидесятых годов возле домика сторожа в небольшой вольер поместили бурого медведя и еще нескольких лесных зверей. Мне тогда казалось, что им выделили мало места, что это издевательство над животными и надо их отпустить в тайгу. Через несколько месяцев их куда-то увезли, но остался неприятный осадок. Больше парк в зоопарк не превращали.

В воскресные дни по всему периметру парка располагались у воды в тени деревьев и кустов семьи с детьми и до захода солнца купались и загорали, наслаждаясь прохладой Биры, всегда свежим и чистым таёжным воздухом.

На выходе из парка нас провожал Ленин

Зимой в парке спорткомитет проводил лыжные соревнования, а городские власти устраивали новогоднюю ёлку, строили огромную ледяную горку, с которой мы съезжали прямо на замерзшее озеро. На этом озере мы катались на двухполосных коньках, прикрученных веревками к валенкам или сапогам. После часа такого катания ноги уже не слушались, и мы плелись домой, брэнча железяками, повешенными через плечо.

ТРЕТИЙ МОСТ В РОССИИ

Одной из главных достопримечательностей Биробиджана, кроме парка, был построенный из бревен автомобильный мост через Биру, который входил в тройку самых длинных деревянных мостов в России. Он был пущен в эксплуатацию накануне войны, в мае 1941 года.

Дорога к нему шла прямо от вокзала и, забирая чуть вправо, упиралась в берег реки. Мост был надежный и крепкий – так, по крайней мере, нам казалось. Покрытие моста было из прочных лиственничных досок, которые порой изгибались пропеллером, даже гвозди не держали такой настил. Если на мост въезжала тяжело груженная машина, то хорошо было слышно, как скрипели и постукивали доски.

Мост был высокий, но это нисколько не пугало смельчаков, которые летом прыгали с него в реку «солдатином». Конечно, это запрещалось, тем более что были смертельные случаи, так как никто не знал, как расположены под водой бревна опоры моста. К тому же, когда Бира прибывала, за опорами моста образовывались стремительные водовороты, из которых выплыть было не каждому под силу.

Фотографировать его не разрешалось, поскольку он считался военным стратегическим объектом, и иногда на нем даже стояла военизированная охрана, а в застеклённой будке был часовой с ружьем. В то время ходили разговоры, что если кого заметят с фотоаппаратом у моста, то посадят как шпиона. Может, поэтому ни одной фотографии этой важной достопримечательности города ни у меня, ни у моих знакомых не осталось.

Мост через Бирю

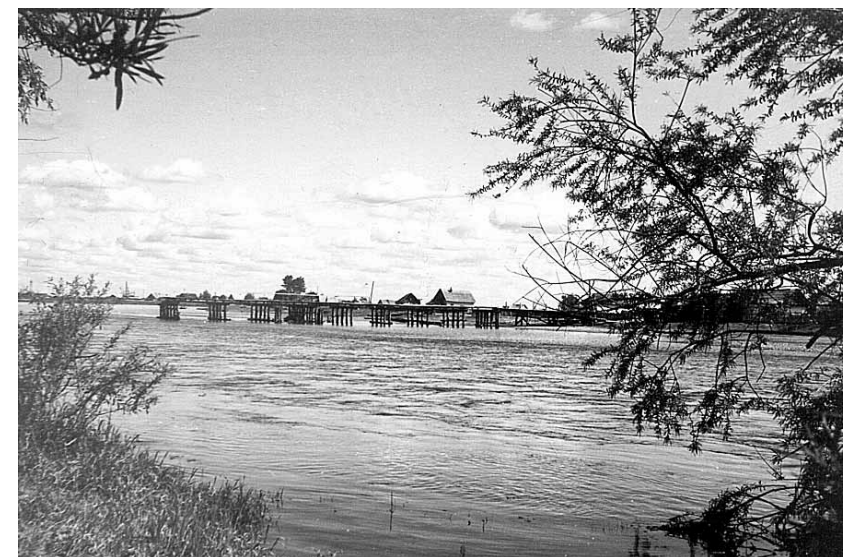
Мы всегда с нетерпением ждали, когда на Бире начнется ледоход. Перед мостом собирался ледяной затор, мальчишки постарше нас после школы бежали к реке и, позабыв о страхе, прыгали с одной льдины на другую, балансируя на покачивавшихся глыбах льда, что не всегда заканчивалось благополучно.

Но было несколько весен, когда из-за крепких зимних морозов река промерзала на большую глубину и под припекающим солнцем вода шла поверх льда. Биря как бы медленно набухала, а местами, наоборот, подтапливала берега. Тогда на реке собирались военные, закладывали динамит чуть выше по течению и производили поочередно взрывы, наблюдая за поведением реки.

Около сотни человек обычно собирались поглазеть на Бирю, когда она, гулко ухая, со скрежетом и звонким разломом ледяных торосов, трущихся друг о друга, медленно сбрасывала свое белое ледяное одеяло. После этих взрывов на мосту собирались специалисты, чтобы оценить его состояние.

Паром через Бирю. 1932 год

Недостроенный мост

В одну из весен первая серия взрывов ни к чему не привела: огромные глыбы льда закупорили Биру, она замерла и не шевелилась. Лишь после новых взрывов лед тронулся. По всей видимости, деревянный мост не был рассчитан на такие нагрузки, и поэтому строители укрепляли опоры, соорудив впереди «быки» для того, чтобы они приняли на себя основную нагрузку ледохода.

Зимой мост старались побережь. Выше и ниже по течению, приблизительно на километр, организовывалась ледяная дорога. Летом тяжелая техника, трактора переправлялись на пароме, который ходил под сопкой.

Учитывая проблемы с деревянным мостом, ранее, в 1943 году, было принято решение построить чуть ниже по течению второй мост, но начавшееся строительство почему-то было приостановлено, а уже забитые железобетонные сваи разобраны.

Осенью 1962 года открылось автомобильное и пешеходное движение по новому железобетонному мосту через реку, а наш деревянный мост в том же году был разобран. Но еще не один год торчавшие из воды опоры старого моста напоминали об уникальном деревянном сооружении, соединявшем два берега нашей реки.

АРТЕЛЬ «ФАНЕРНЫЙ ЗАВОД»

На реке, почти напротив сопки, стояли две артели – «Деталь» и «Фанерный завод». Отец работал на фанерном заводе. Почти каждый год, начиная с седьмого класса, на летних каникулах я помогал отцу, чем мог. Мне нравилось наблюдать, как он легко закидывал пачки фанеры на почти двухметровую высоту. Мне это было, конечно, не под силу. Иногда мы с братом вместе подключались к этой работе. Я брал пять листов, брат по два-три, и, мешая друг другу, мы складывали фанеру на вагонетку, а потом с папой толкали её в склад, чтобы затем раскидать пачки по сортам и породам дерева.

Как-то специально таким мальчишкам, как я, администрация артели решила дать на летних каникулах работу. Начальник цеха Иван Масевич, бывший фронтовик, товарищ папы, предложил нам заняться изготовлением из дранки щитов, которые строители набивали на стены домов, чтобы можно было их штукатурить.

Собрали нас, четверых пацанов, которые полдня колотили молотками по гвоздям и, конечно, по пальцам. Через две недели мы уже были все с отбитыми, перевязанными пальцами, а щиты, изготовленные нами, еле держались. Мастер понял, что толку от нас не будет, и, сказав нам, когда прийти за расчетом, отправил по домам. Это были первые заработанные рубли, за которые мы расписались в ведомости.

В обеденный перерыв мы с папой выходили за забор артели, который стоял у самого берега реки, съедали приготовленный мамой обед, купались и ловили рыбу – в основном пескарей и гольянов. После удачной рыбалки мы несли нанизанных на двух больших ивовых прутах блестевших на солнце серебристых рыбешек, которых хватало на уху и нам, и кошке.

Артель «Деталь». 1952 год

Чуть ниже по течению прямо в затон сплавлялся лес, где его баграми вытягивали из воды и складировали. Весь этот лес перерабатывался артелью «Деталь». Впоследствии эти два предприятия – артели «Деталь» и «Фанерный завод» – объединились. Но сплав леса по Бире не был постоянным. Низкий уровень воды в реке не давал возможности наладить регулярную поставку древесины для работы артелей.

Дорога на фанерный завод проходила по небольшому мосту

Из нескольких леспромхозов мощные по тем временам студебекеры и ЗИСы завозили на фанерный завод огромные, в два обхвата, бревна кедра, ясеня, дуба, березы, елки. Здесь их распиливали на чурки длиной в полтора метра, затем неделю замачивали в горячей воде, отчего в цехе и вокруг него стоял специфический запах гнили, а затем распускали на станке, плавно подводя нож к стволу дерева. Готовый тонкий шпон нарезали по нужному размеру, сушили в конвейерной печи, клеивали и прессовали.

Отец работал на последнем участке. Работа была тяжелая, многие не выдерживали и недели. После пресса необходимо было упаковать листы в пачки по десять штук и перевезти на тележке в склад готовой продукции. Все это делалось вручную. Вес одной пачки колебался, в зависимости от породы дерева, от 45 до 60 килограммов. Фанера отгружалась для всего Дальнего Востока.

*У проходной артели «Фанерный завод».
1 мая 1960 года. Слева направо: первый – С.Р. Бренер, третий – И.Е. Масевич, директор артели*

ВСЕБИРСКИЙ ПОТОП

Можно много говорить о нашей Бире, впадающей в могучий и широкий Амур. Река, по существу, является частью нашей жизни. На протяжении сотен лет она накапливает в памяти прошедшие события. В переводе с тунгусо-тюркских диалектов слово «бира» означает «большая вода».

Древние жители Приамурья не зря называли себя «бिरары» – люди большой воды. Бира оправдывала свое название.

Река помнит первых людей, живших на её берегах и давших ей такое название, первых переселенцев, испытавших на себе её крутой нор. У многих найдутся в памяти приятные минуты и часы, проведенные на прибрежных зеленых полянках или песочно-галечных берегах с удочкой в руках или просто в молчании, прислушиваясь к шёпоту волн на перекатах. Берега реки большей частью пологие. Пока зайдешь на глубину, перехватит дыхание, но окунешься с головой в освежающую, чистую и очень мягкую бирскую воду, и как будто заново родился или стал моложе на пять-десять лет. Это было огромное удовольствие. В жаркие дни можно было часто увидеть целые семьи, расположившиеся на берегу Биры: люди ловили рыбу, варили уху, купались, стирали белье одновременно.

Солнечные палящие лучи в летний зной проникают до дна Биры, согревая сбегаящие с сопки холодные чистые потоки, и поглощаются водной гладью. От прохладного дыхания реки становится удивительно легко дышать в эту пору. Увлекательная рыбалка на серебристого хариуса на тихо журчащих перекатах или на более крупную рыбу в тенистых заводях, подледный лов – все это возможно, если река откроет вам свои секреты.

Река всегда кормила живущих на ней людей. Наша Бираматушка не исключение. После того как она очищалась ото льда и паводковой весенней грязи, с гор спускались прозрачные, быстро бегущие воды, которые искрились на солнце, а в заводях можно было увидеть в глубине на полтора-два метра мелких серебристых гольянов, пескарей, чебаков.

Осенью, в сентябре, когда наступал ход лососевых, в гастрономе на улице Октябрьской постоянно была кета. Свежая, соленая, копченая, она лежала в огромных чанах, ящиках. Уже на подходе к магазину чувствовалось, чем здесь торгуют, так как стоял специфический запах рыбы.

Привозили её в магазин иногда навалом, в грузовиках, а красная икра в небольших бочонках продавалась на развес, в основном килограммами. Дома, готовя запасы на зиму, кроме картошки и квашеной капусты с другими соленьями, папа ставил в холодную кладовку бочку рыбы и ведро икры. Это и был зимний рацион в большинстве знакомых мне семей. О другом разнообразии в еде мы просто не знали.

Бира и Биробиджан связаны между собой не только корнями своих названий. Город у реки или река в городе – для нас одно и то же. Это все равно, что артерия в человеческом организме, несущая кислород по всем капиллярам, это наша душа. Река поит и очищает город. Раньше эту воду можно было пить даже некипяченой. Бира – это наша бесценная городская собственность, о которой нужно всем нам беспокоиться и заботиться.

Не всегда она была рекой жизни. В августе 1960 года пошли затяжные дожди, продолжавшиеся несколько недель. С верховьев гор начал нарастать вал, который, спускаясь, крушил все на своем пути. Стремительные мутные воды пенились от грязи, смытой с берегов, обломков каких-то унесенных разбитых строений. Огромные пни, деревья, вывороченные вдоль берегов, бревна, которые лесорубы не успели связать для сплава, превратили реку в страшный, неуправляемый стихийный поток.

В один из дней, когда сходящиеся на сопках темно-серые дождевые тучи не предвещали ничего хорошего, к дамбе начали подтягиваться люди. Эта дамба на левому берегу Биры была построена еще в 1936 году.

На земляной насыпи, защищавшей город, было организовано постоянное дежурство, там был и мой отец. Уже к обеду всем стало ясно, что уровень подъема воды через три-четыре часа превысит уровень дамбы.

На всем протяжении дамбы стали собираться подошедшие с предприятий рабочие. Откуда-то появились огромные дерюжные мешки, на полуторках и телегах подвозили гравий, песок. Сотни людей лопатами сгружали песок, набивали мешки и укладывали вдоль края дамбы.

Уже начало смеркаться, но работа не прекращалась, так как вода уже просачивалась и переливалась через край. Мама принесла отцу перекусить, но ему, как и другим, было не до еды. Мы смотрели на реку и боялись, чтобы вода не прорвала дамбу, которая то в одном, то в другом месте размывалась, и широкие ручьи устремлялись в город.

Отец вернулся домой утром. Грязный, уставший и осунувшийся, молча помылся на улице под умывальником, выпил стакан чаю, лег на кровать и проснулся, когда на дворе уже было темно. В этот день с соседскими пацанами мы пришли к дамбе. Высота её поднялась за ночь почти на метр. Подойдя к парку, увидели, что его практически нет. Из воды, как невысокие кусты, торчали макушки деревьев.

Спуск с моста к парку и отдельные его пролеты между опорами были затоплены, а все островки, где раньше загорали и купались, перестали существовать. Казалось, что Бира разлилась на несколько километров, так как берегов не было видно. Тёмно-грязные дождевые облака сливались вдаль с водой, размывая горизонт, от реки веяло гнетущим холодом, и возникал страх перед её необузданной силой.

Через день впервые на Бире показался небольшой корабль. Едва не задев нижних краёв моста, он причалил к берегу, взял на борт несколько человек и медленно, преодолевая сильное течение, пошел вверх по реке. Один из членов экипажа стоял на носу с длинным багром и, держась за перила, смотрел вперед, чтобы уберечь судно от столкновения с бревнами, которые неслись по волнам.

Это наводнение принесло немало бед жителям города и прилегающих к нему поселков. Весь район за железной дорогой – дома, сараи, огороды – стоял в воде. Люди жили на чердаках, добираясь до дороги на лодках, чтобы сходить за покупками в магазин. «Плавали» поселки Фаланга, Кирпичики, Тукалевский. Так продолжалось не менее недели. Центр города, где стоит теперь Дом культуры, представлял собой большое озеро, куда ходили ловить рыбу.

«Венецианские причалы» в Биробиджане

И. Бокор с дочерью на рыбалке. В пятидесятых годах этот залив был в центре города

Наши три дома в центре города топило каждый сезон. И каждый раз, когда начинались дожди и прибывала вода, бабушка вспоминала о Готене, о *цурес*, которое не дает нам житья. Это было действительно горе. С таким трудом выращенный урожай оказывался полностью под водой.

Мне, впрочем, было интересно наблюдать, как вода, непонятно откуда взявшись, подходила к крыльцу и поднималась все выше и выше. Папа заранее вытаскивал из подполья все банки с соленьями и вареньем, мы переносили их на верхние полки в кладовую, поднимали с пола коврики, сплетенные мамой из отходов швейного производства, кастрюли, домашнюю утварь и смотрели на прибывающую уже в квартире воду. Сон в эти дни не приходил, так как все боялись, что дом может подняться и перевернуться. Но, слава Б-гу, он оставался на месте, и через три-четыре дня вода шла на убыль.

Папа приводил кого-то из городского начальства. Они заходили в дом, глядели на стену – до какого уровня поднималась вода, что-то записывали, смотрели на затопленный огород, где вода стояла обычно не меньше недели. Бабушка показывала им на палки, торчавшие на грядках, где были посажены помидоры и уже начавшие виться огурцы. Грядок с картошкой и огородной мелочью вообще не было видно. Все вместе вздыхали и расходились. Как говорила потом моя бабушка, «*аз охун вэй*» всей этой компенсации, которой хватало на пару мешков картошки.

А кушать хотелось каждый день. После одного из таких наводнений, когда в семейном бюджете, как я сейчас понимаю, не было лишней копейки, мама сказала, что в воскресенье мы поедем копать картошку.

От удивления я раскрыл рот: какая картошка, ведь у нас все сгнило, а больше мы нигде не посадили. Всю собранную из воды картошку бабушка перетерла в крахмал, который после сушки получился какой-то уж очень серый. Мама ответила, что договорилась со знакомой. У неё много посажено, и она нам разрешила накопать себе картошки.

Рано утром за нами заехала грузовая машина. Взяв с собой одежду, еду, пустые мешки, мы сели в кузов и поехали в сторону села Птичник. За селом, куда нас высадили, действительно были картофельные поля. Ботва уже сгнила, и картофельные рядки выделялись на ровном поле.

Женщина, вышедшая из кабины, оказалась хозяйкой этого поля. Показав нам границы участка, она уехала, а мы остались наедине с картошкой. Недалеко от нас несколько человек, согнувшись, уже копали и собирали урожай. Картошка была неплохая, и работа спорилась, хотя толку от меня с сестрой было немного. Наверное, мы больше отвлекались, но, безусловно, старались помочь родителям.

Ближе к часу дня сели обедать. К тому времени мы уже накопили мешков десять картошки. Обычно на зиму папа закладывал шесть-семь мешков. Ответ на мой вопрос, разве нам уже не хватит, зачем так много мы копаем, меня сильно огорчил и расстроил. Оказывается, нам причитается каждый шестой мешок от того количества, что накопим, и лучше быстрее работать. Вспомнив, чему нас учили в школе из истории крепостной России, я понял, в кого мы превратились, и, кроме как слово «батрак», ничего на тот момент мне на ум не приходило. Папа сказал, чтобы мы меньше рассуждали и больше работали: переворачивали для просушки картошку и очищали её от земли.

После обеда, несмотря на комариные атаки, мы молча стали копать и собирать эту уже ненавистную мне картошку. Когда солнце подходило к закату, папа сказал, что пора заканчивать работу. Разожгли небольшой костер, так как комары просто не давали дышать, залетая прямо в рот. Собрали то, что накопили, в мешки. Получилось двадцать шесть мешков картошки. Нам полагалось по договору всего четыре мешка.

Подъехал грузовик, из которого вышла хозяйка, и все пошли считать мешки. Они о чем-то негромко поспорили и затем стали грузить мешки в машину. Вначале поехали в село, где мешки выгрузили к ней во двор, а затем к нам домой. Нам досталось пять мешков.

Оказалось, что люди, копавшие недалеко от нас картошку, также работали по найму, но на других условиях – каждый пятый мешок был их. Когда папа подходил к ним за спичками, он узнал, что обычно так здесь договариваются многие, а те, кто приезжает из города, часто попадают в невыгодные условия.

Хозяйка не стала долго спорить и согласилась отдать ещё один мешок. Нам он был очень даже кстати. А на следующий год родители договорились посадить картошку на поле за городом, которое горсовет выделял для предприятий. Так была решена картофельная проблема.

Но у меня были другие интересы. Вместе с соседскими мальчишками мы из досок сбивали плоты и катались по огороду, границ которого уже не было, так как вместе с болотом возле дома разлилось почти целое озеро. Из него мы вытягивали на ощупь морковь, лук, срывали ягоду, кое-где висевшую на кустах. В один из дней, смастерив весло, попробовал даже проплыть между грядок в старой оцинкованной ванне, представив себе, что это лодка, но, не удержав равновесия, перевернулся. Мокрый и грязный, встал по пояс в воде и пошел домой, таща за собой ванну.

На огороде толком ничего не успевало вызреть, а когда вода сходила полностью, то бабушка говорила родителям, что на следующий год ничего не надо садить, *дрей нит зих коп* (не крутите себе голову), все это коту под хвост. Но начиналась весна, пригревало солнышко, и мы снова дружно выходили копать огород, разбивать грядки, садить огурцы, помидоры и другие овощи. И опять продолжался этот круговорот воды в природе. Всебирский потоп, иначе и не скажешь.

БЕРЕГ ЛЕВЫЙ, БЕРЕГ ПРАВЫЙ

Спустя много лет я прочитал о научных исследованиях, проведенных в нашей области. Оказалось, что экспедиция Б.Л. Брука ещё в 1927 году в своем отчете рекомендовала

строить город на правом, высоком берегу Биры в районе сопки.

Об этом же сообщалось и в докладной записке архитектора Рабиновича о планировке г. Биро-Биджана, подготовленной для горсовета в 1932 году, которую я впервые раскопал в областном архиве.

В пояснении на десяти страницах даётся развернутая характеристика Биро-Биджана (большого поселка при станции Тихонькая Уссурийской железной дороги). Его история связана с названием рек Биры и Биджана, которые произошли от тунгусо-тюрских диалектов или, по другой версии, от маньчжурского языка. Поэтому, например, река Биджан звучит как Бира-джи-кан в первом варианте и обозначает «стойбище людей на далеком месте», а во втором варианте переводится как своенравная, сердитая.

Люди, населявшие эти земли много веков назад, давали названия соответственно нраву реки, характеру местности и т. п. На этом основана почти вся топонимика тех времен. Первые названия районов – Бирский и Биджанский, упоминания о которых относятся к концу девятнадцатого – началу двадцатого веков, – также были связаны с названиями рек. А вся территория именовалась в результате небольшой трансформации слов Бирско-Биджанским районом или Биро-Биджаном.

На карте Биро-Биджана, составленной в конце двадцатых годов, нанесены обозначения, использовавшиеся тогда в нашей картографии. Карта вошла в качестве приложения в книгу профессора Б.Л. Брука «Биробиджан». В архиве областного краеведческого музея хранится также карта естественно-исторических районов области по Юзефовичу.

В данном случае, по всей видимости, речь идет об ученом Л.И. Иоозефовиче. Он был учеником профессора В.Р. Вильямса. По приезду в Биробиджан Л.И. Иоозефович становится первым директором научно-исследовательского сельскохозяйственного института, преобразованного из опытной станции. Впоследствии он написал уникальную по тем временам книгу «Физические свойства и аг-

рогенетическая классификация почв Биро-Биджанского района ДВК», выпущенную небольшим тиражом в Хабаровске в 1931 году.

В публикациях разных авторов в двадцатые годы отчетливо видно, что в то время не было ещё единого подхода к названию данной территории. Так, Б.Л. Брук в книге «Биробиджан», изданной в Москве в 1929 году, подразумевал под этим названием всю область. В другом своем издании он использовал в заглавии книги сочетание «Биробиджанский район ДВК». А.Н. Мережин также издал книгу с одноименным названием «Биробиджан». В 1935 году в Нью-Йорке издана на идиш маленькая книжка стихов З. Вайнпера под названием «Биробиджан».

Станция Тихонькая впервые была отмечена на картах в 1912 году как станционный поселок на одном из участков строительства Транссибирской железнодорожной магистрали. 20 ноября 1931 года ст. Тихонькая была переименована в рабочий поселок Биробиджан. 7 мая 1934 года Биробиджанский национальный район был преобразован в Еврейскую автономную область. 2 марта 1937 года постановлением Президиума ВЦИК СССР рабочий поселок был преобразован в город Биробиджан. Каким же был в те далекие тридцатые годы строившийся на окраине России наш будущий город?

Занимал он тогда территорию протяженностью 3–5 км в направлении с северо-запада на юго-восток, т. е. около 350 га. Местность, на которой должен был быть расположен город, являлась частью так называемого междуречья и представляла собой невысокий равнинного характера водораздел между реками Бирой и Икурой, по гребню которого проходила железная дорога.

Общий уклон местности был незначителен. Равнина сложена была на всем своем протяжении из рёлок и падей, поверхностно заболоченных вследствие плохого стока и отсутствия естественного дренажа из-за глин. При высоких паводках в большинстве падей вода заходила из этих рек, образуя небольшие заливы, переходящие в непроходимые болота.

Под тонким растительным слоем находились пласты глин, уходящие на глубину до полутора-двух метров, ниже которых

лежал мощный галечно-песочный слой, представляющий собой водоносный горизонт с высоким уровнем грунтовых вод.

Архитектор Рабинович в 1932 году, делая анализ и заключение по вопросу планировки г. Биробиджана, в докладной записке отмечал, что маленький пристанционный поселок с явно выраженным сельскохозяйственным уклоном первоначально освоил ближайшие к станции рёлки, а затем, по мере роста, продвигался с рёлки на рёлку вдоль реки и железной дороги. Пади при этом оставались незастроенными и неосушенными, переходя в категорию бросовых земель. Большие рёлки делились пополам улицей, проходящей по гребню (так раньше стихийно застраивались крестьянами села – одна улица посреди села).

По мере освоения новых рёлок последние соединялись с уже застроенными дорогой через падь. Этим же объяснялось наличие на всех без исключения улицах города «гиблых» и «тяжелых» или просто совсем непроезжих участков.

Делая расчеты возможного освоения земель под строительство города с учетом роста его населения, Рабинович приходит к следующему выводу: «Строительство нового города должно быть перенесено на склоны сопки “Тихонькой”, на повышенное плато с невысокими холмами, простирающимися по южным и западным склонам сопки вдоль реки Биры и Бирофельдской дороги».

К преимуществам этого варианта он отнес удобный рельеф с достаточными уклонами, облегчающий устройство водопровода и канализации, минимальную потребность в мелиорации, наличие большого резервного земельного фонда, низкое строение грунтовых вод (а возможно, отсутствие их), сравнительно большую лесопокрываемость, облегчающую организацию зеленых насаждений с самого начала строительства.

Но были, как он считал, и проблемы, заключающиеся в том, что город будет разделен на две части, более или менее обособленные друг от друга, а также в том, что новая часть города будет разьединена с железной дорогой.

На основе анализа нескольких вариантов архитектурной планировки города Рабиновичем был сделан вывод, что данный вариант является наиболее рациональным. Несмотря на необходимость строительства железнодорожного моста, это дорогое ме-

роприятие компенсируется экономией при удешевлении устройства фундаментов зданий, а в дальнейшем даст возможность организовать главный городской массив, позволит развивать промышленность на правом берегу Биры. В общем, даст возможность расти городу, учитывая его политическое и административное значение.

На то, что так первоначально и было задумано, указывают, по мнению исследователя этого вопроса Бориса Голубя, названия улиц Карла Маркса и Московской, расположенных в районе поселка Сопка. Такие названия, считает он, могли быть присвоены в то время только центральной части города, а не его окраине – поселку, находящемуся в южной части города. Нынешняя центральная улица города, улица Шолом-Алейхема, называлась улицей Партизанской и не могла даже изначально претендовать на центральное место в строящемся поселке.

Очень жаль, что первые переселенцы несерьезно отнеслись к выводам ученого и архитектора и решили разбить город на левом берегу, вдоль железной дороги. А может, как всегда, не выделили денег на этот проект. Если учесть, что, кроме того, при строительстве города в низинах и падах, на болотистой местности не была предусмотрена ливневая канализация, то можно понять, отчего и сегодня даже на главных улицах Биробиджана после сильного дождя невозможно пройти, не замочив ног.

Но бывало и так, что почти все лето ни одного облачка над городом не увидишь. Не зря же говорит статистика, что у нас не меньше солнечных дней в году, чем в Крыму. И тогда Биробиджан представлял в буйно цветущей зелени скверов и улиц. Любимым местом отдыха горожан, кроме парка, по праву считался сквер, располагавшийся между улицами Горького и Октябрьской, где сегодня находится памятник нашим землякам, погибшим в годы войны. Он был, как и в наши дни, разделен улицей Ленина на две половины.

С одной стороны в тени деревьев в сквере стояли деревянные лавочки, на которых приходили посидеть и погово-

рить старички в соломенных шляпах и старушки в белых косынках. Возле них играли их внуки и внучки, а они о чем-то мирно беседовали на идиш, реже на русском, понимая друг друга без переводчика.

С другой стороны дороги, в стоявшем в тени деревьев летнем павильоне продавали на розлив в пол-литровых стеклянных кружках пиво местного производства и вкуснейшее мороженое трех-четырёх видов с различными наполнителями, которое изготавливалось в ресторане напротив, где шеф-поваром был высочайший мастер своего дела Яков Блехман.

Ресторан «Биробиджан», где он работал, славился еврейской кухней, а имя Блехмана знали практически все, кто бывал в этом заведении. Посетителей здесь потчевали многими кулинарными изысками, но главные фирменные блюда: гефилте фиш, эсекфлейш, жаркое с пирожками, форшмак – были вне конкуренции. Имя Блехмана связано с придуманным им блюдом под названием «шницель по-биробиджански», которое ещё при жизни своего создателя стало весьма популярным даже за пределами нашей области.

На углах и перекрестках улиц Октябрьской и Шолом-Алейхема разливали хлебный квас из бочек и газированную воду. Рядом стояла розовощёкая рыжеволосая продавщица Дора, которая громко, с еврейским акцентом, зазывала прохожих: «Покупайте горячее мороженое, холодные пирожки». И всё у неё раскупали, и все это было очень вкусным.

Всей семьей, если в воскресный день была хорошая погода, мы после обеда обязательно заглядывали в этот зеленый уголок. Папа удалялся чуть в сторону, где из деревянной бочки ручным насосом закачивали в кружки прохладное светлое пенящееся жигулевское пиво. Все остальное наше семейство переключалось в это время то на мороженое, то на «двойную» газировку с сиропом. Так что были свои прелести и на левом берегу Биры.

КУЛЬТУРНО-СПОРТИВНАЯ ЖИЗНЬ

В одну из таких прогулок родители взяли меня в кинотеатр. Вообще-то я ходил на детские сеансы в дневное время, а в вечернее они меня не брали. А тут рискнули. Минут за тридцать до начала сеанса зрителей начали запускать в фойе.

На небольшом возвышении в центре зала стоял черный рояль, подставки для нот и несколько стульев. Через несколько минут на импровизированной сцене появились артисты в красивых костюмах – фраках с бабочкой, строгих длинных бархатных черных платьях. Они заиграли на скрипке, на настоящих духовых инструментах волшебную музыку вальсов – «Амурские волны», «На сопках Маньчжурии». Звучали песни на идише и русском. Зрители танцевали и аплодировали артистам.

Не помню, о чем был фильм, потому что находился под впечатлением услышанного в фойе, а минут через пятнадцать после начала сеанса уснул, положив голову на большие папины руки. Проснулся, когда он вынес меня на улицу. Потом ещё не раз приходил к кинотеатру послушать этот короткий импровизированный концерт, и каждый раз в репертуаре звучали новые мелодии и песни.

Артисты не забывали наш город. Звезды эстрады мировой величины: Эмиль Горобец, Эдита Пьеха, Иосиф Кобзон – бывали раньше в Биробиджане куда чаще, чем сегодня. И все равно каждый их приезд был событием для города.

Самодельные артисты принимали участие в проведении спортивных мероприятий, и, наоборот, в концерты художественной самодеятельности часто включались выступления спортсменов.

Дом пионеров и школьников. 1950-е годы

На сцене Дома пионеров и школьников выступают акробаты Владимир Сторожев и Виктор Косухин

Конец пятидесятых и шестидесятые годы запомнились развитием массового спорта. Почти на каждом предприятии при профкоме, а то и отдельно, существовал комитет по спорту. В городе шла настоящая борьба между трудовыми коллективами по футболу, волейболу, легкой атлетике, шахматам, настольному теннису.

Были и неплохие результаты – количественное развитие массового спорта перешло в качество. Биробиджанские спортсмены заявляли о себе на краевых, республиканских соревнованиях, появились кандидаты и мастера спорта.

В то время вместо закрытого в годы сталинских репрессий еврейского театра на улице Ленина кипела жизнь юных пионеров. Здесь находился Дом пионеров и школьников, который был для горожан и учащихся школ центром культуры, а ещё – спортивным залом, где тренировались прямо на сцене. Акробатическую секцию, куда мы записались с другом, вел настоящий профессионал, мастер своего дела Валентин Семенович Машков. В секции к нему с началом учебного года записывалось более сотни детей. Это было намного больше, чем он мог распределить по группам, по времени, чтобы занять нас. Но через несколько месяцев происходил обычный отсев, и в каждой группе оставалось 20–30 человек.

Сам Валентин Машков был профессиональным цирковым акробатом. Те акробатические комбинации в мужских и женских парах, четверках, прыжках на дорожке, которым он нас учил, были уникальны и выполнялись практически на уровне мастеров спорта.

Мы не выезжали на соревнования по акробатике, но ведущие акробаты в мужских парах Леонид Марков и Виктор Фетисов, а позже Владимир Макашин, Сергей Ваганов и Владимир Сторожев, ставшие мастерами спорта СССР, не имели себе равных на Дальнем Востоке.

В. Макашин и С. Ваганов первыми в Хабаровском государственном институте физической культуры стали в 1972 году мастерами спорта СССР. А в 1976 году на соревно-

ваниях по акробатике в мужских парах на первенствах РСФСР, а затем Вооруженных сил СССР они становятся чемпионами. В 1980 году они выигрывают чемпионат ВЦСПС. Принимают участие в показательных выступлениях на XX Олимпийских играх в Москве, на IX Всемирном фестивале молодёжи и студентов. Их спортивному долголетию – более 20 лет они выступали в паре – можно только поражаться. Ни один праздничный концерт в городе и области не проходил без участия этих спортсменов.

Стадион «Строитель» до реконструкции. 1950-е годы

Футбольная команда. 1950-е годы

Визитной карточкой Биробиджана в спортивном мире уже давно стали такие виды спорта, как хоккей с мячом, конькобежный спорт, тяжелая и легкая атлетика, бокс, настольный теннис, каратэ.

Женская волейбольная команда педагогического училища «Искра». 1950-е годы

В хоккей с мячом играют настоящие мужчины. 1950-е годы

Биробиджанские спортсмены не раз выходили на спортивные арены крупнейших российских и международных соревнований, становились победителями и призерами.

Далеко за пределами области известны имена и достижения наших тяжелоатлетов и пауэрлифтингистов. Среди них мастер спорта международного класса Владимир Кузнецов – экс-рекордсмен мира, серебряный призер чемпионата мира, чемпион Европы по тяжелой атлетике. Этого настойчивого крепыща я помню по урокам физкультуры в четвертом классе средней школы № 2, где я и преподавал её.

Заслуженный мастер спорта по силовому троеборью Владимир Марковский – серебряный призер чемпионатов мира, четырехкратный чемпион Европы.

Мастер спорта международного класса Владимир Королев – многократный победитель чемпионатов мира, Европы и России по силовому троеборью среди ветеранов.

Алексей Хорошев – серебряный призер чемпионата мира, чемпион России среди юношей по силовому троеборью.

Татьяна Даньшина, мастер спорта России международного класса – двукратная чемпионка России в спринтерском многоборье, участница зимних Олимпийских игр в японском городе Нагано.

Ольга Бурканова, мастер спорта России международного класса – победительница кубка Европы в эстафетном беге, бронзовый призер первенства мира среди юниоров, призер чемпионата России в беге на 800 метров.

Чемпионкой России и первенства Европы среди девушек по настольному теннису стала мастер спорта Раиса Свинкина.

Среди любителей восточных единоборств хорошо известен Сергей Плеханов – серебряный призер чемпионата мира по киокушинкай карате-до.

Константин Яновский – мастер спорта, серебряный призер чемпионата Европы среди молодежи в городе Сараево (Югославия) в 2001 году, победитель европейского турнира категории «А» на молодежном чемпионате в Германии в 2002 году.

Биробиджану есть чем гордиться. Наши атлеты ещё не раз заявят о себе на спортивных аренах.

К СВЕТЛОМУ БУДУЩЕМУ

На фоне вроде бы безоблачного детства я не придавал значения политическим событиям того времени. Они казались чем-то настолько посторонним, не затрагивающим устои нашей жизни, что обращать на них внимание не считал нужным.

Вместе с тем память автоматически запечатлела быстро мелькающие картины тех дней. Много лет позже полученные из различных источников знания «распечатали» и воссоздали эти события, но уже в другом свете.

В один из морозных дней 1956 года отец пришел с работы какой-то взволнованный. О чем-то переговорив с мамой и бабушкой, он взял табуретку, подошел к стене, на которой висел портрет Сталина, снял его, вытащил из рамки и вышел в коридор.

В доме стояла гробовая тишина. Бабушка молчала, мама шепотом спрашивала себя: *«Что же это будет, неужели это правда? Сёмочка, ты не выбросил его совсем, может, кто-то ошибся? Он же столько сделал для победы в войне!»*. Вопросов было много. Но не было ни одного ответа.

Ужинать сели в каком-то непонятном состоянии. Папа попросил поставить на стол водку, и взрослые выпили, выругавшись так, что я ничего толком не понял. Одно до меня дошло: сейчас людям станет легче жить. Вот тогда-то и начали искать зашитый в подушку конверт с адресом, от которого к тому времени уже ничего не осталось.

Школа № 1, где я учился, на следующий день была как растревоженный улей. Учителя тихо разговаривали между собой, постоянно упоминая Сталина и комментируя услышанное информационное сообщение, ученики повторяли то, что сказали взрослые, не понимая смысла события. Между тем для Биробиджана оно не стало определяющим в последующей жизни. Куда больше хлопот доставила власти амнистия после смерти вождя мирового пролетариата, когда более 400 чело-

век было прислано на поселение в Биробиджан. Через некоторое время их то ли перевели в другое место, то ли кончился срок, но вскоре в городе все встало на свои места.

Следующее потрясение пришлось на 1964 год, когда сняли Никиту Хрущева. Его портрет исчез со стены в уже намного более спокойной обстановке. Никто у нас в семье не возмущался по этому поводу.

Хрущев запомнился всем нам разоблачениями личности Сталина. По его инициативе в стране начали в массовом порядке строить пятиэтажные дома, получившие потом в народе название «хрущёвок». В городе стали сносить десятки убогих одноэтажных полусгнивших бараков, построенных ещё в тридцатые годы. Но ещё больше запомнились его «кузькина мать» и культивирование кукурузы. Ну не хотела и не могла она расти у нас на востоке, в зоне рискованного земледелия (хотя наши соседи за Амуром нам доказали обратное).

Демонстрация 7 ноября 1958 года. Справа И. Гольдберг, заведующий сапожной мастерской артели «Новая жизнь»

Бывали годы, когда не удавалось собрать даже то, что посадили, а иногда и то, что взошло. Осенние дожди не давали зайти на поле сельскохозяйственной технике, и кукуруза погибала на корню с быстрым наступлением холодов. Тогда на поля запускали коров, чтобы они хоть что-то пожевали.

Но на праздничных концертах под занавес по-прежнему выходила русская красавица, наряженная кукурузой, а на демонстрациях школьники продолжали нести ивовые палочки с ватой, обклеенной бумагой, разрисованной под желтые початки с зелеными листочками, которые изображали «королеву полей».

Но даже кукуруза не смогла затмить самую великую идею всех времен и народов – построение коммунистического общества в нашей стране, с которой обратился к советскому народу Никита Хрущев. В первые дни после объявления о том, что мы сделали первый шаг в коммунистическое будущее, только и разговоров было на эту тему с утра до вечера. Это было как ожидание манны небесной, которую Б-г пообещал Моисею, чтобы показать свою силу и спасти от голода евреев в пустыне. Но Моисей не единожды убеждался сам и убедил свой народ, что Б-г слов на ветер не бросает. Хрущев, как и все коммунистические руководители до и после него, не был богом, но нас убеждали беззаветно верить партии.

XXII съезд КПСС принял новую, третью Программу партии, целью которой провозглашалось строительство коммунизма. Исторические рамки Программы были определены в 20 лет, после чего должна была наступить эра коммунизма. С каким энтузиазмом было воспринято выступление Хрущева о том, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме! В тот момент нам всем казалось, что вековые мечты человечества о лучшей жизни, наконец, сбываются, и это произойдет именно в нашей стране.

Утопическая идея уже приближающегося к нам коммунистического будущего настолько проникла нам всем в головы, что поначалу ни одно занятие в школе не проходило

без того, чтобы учитель по любому предмету не вставил пару предложений из выступления Н.С. Хрущева.

В те годы никто из нас не слышал о том, что происходит в других странах. Наши радиоприемники были настроены на одну волну – «Говорит Москва». На крышах домов стояли огромные и мощные громкоговорители, в домах были радиоточки поменьше, но это было одно и то же радио. Каждое утро нас приветствовал диктор: «Эс рэд Биробиджан! Зайт гэгрист, тайрэ хавэйрим!» («Говорит Биробиджан! Здравствуй, дорогие товарищи!»). И неслись сводки о достижениях стахановцев на полях, фермах, у заводских станков.

Ул. Шолом-Алейхема. 1960 год

Обо всем, что происходило за рубежом, мы узнавали из официальной газетной хроники и киножурналов, которые регулярно, перед художественными фильмами, показывали в кинотеатрах. Почти через двадцать лет, когда стало ясно, что коммунизм уже не наступит, мы услышали впервые о том, что такое кибуц.

И даже тогда, прочитав о кибуцном движении в Израиле, удивился, почему у них воплотился в жизнь этот принцип коммунистического устройства, а у нас – нет. Ответ получил, когда впервые приехал в Израиль. Да, сказали мне там бывшие наши сограждане, уже чуть подзабывшие русский язык, кибуц основан на идеях коммунизма, но только ваших коммунистов у нас, слава Б-гу, нет.

Однажды на третьем этаже нашей школы собрали линейку, и директор школы объявил, что сейчас в присутствии всех учащихся в стену будет замурована бутылка с посланием к поколению, которое будет жить через 20 лет при коммунизме.

В послании, которое торжественно зачитали, говорилось о наших великих достижениях как в народном хозяйстве, так и в учебе. Затем его свернули в трубочку, вложили в бутылку и закрыли пробкой. Я стоял как раз напротив того места, где в стене пробили кирпичи и куда на наших глазах положили бутылку и замуровали послание, повесив соответствующую табличку.

Что было с этой запиской дальше, после многочисленных ремонтов, я не знаю, но коммунизма мы не дождались. Бабушка по этому поводу тогда сказала одну фразу, которая мне запомнилась: коммунизм вы все увидите *ин хулам* (во сне). И это была чистая правда. Нам снились в то время такие коммунистические сны: молочные реки с кисельными берегами, дома со всеми удобствами – отоплением, горячей и холодной водой, туалетом, полные холодильники продуктов и фруктов (мандарины и яблоки мы видели тогда наяву по одной-две штуки один раз в год в новогодних подарках), у всех – цветные телевизоры, во дворе – собственные машины, спортивные велосипеды и многое другое, чего у многих нет и поныне.

Но никто почему-то даже во сне не сказал, откуда все это появится. Нам говорили: надо много работать, и тогда все у нас будет. Мы пытались поверить в самую настоящую утопию – в светлое коммунистическое будущее. Даже три года

спустя, когда октябрьский пленум ЦК КПСС 1964 года освободил Н.С. Хрущева от занимаемой должности, обвинив его в волюнтаризме, это не изменило общей атмосферы радостного ожидания великого события.

Ни у кого не возникало сомнений в правильности высказанной партией оценки. Но выяснять, что скрывается за этим термином, не было принято. Тем более что линия партии на построение материально-технической базы коммунизма не претерпела изменений, курс остался прежним.

С приходом нового генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева наш пыл немного охладел. Уже кое-кто начал вслух сомневаться в реальности этих планов, хотя продолжали заучивать принципы морального кодекса строителей коммунизма. В них все было прекрасно. Оспаривать их никто не собирался. Но что дальше, за поворотом? Куда мы идем? Не было ответов на эти вопросы и у наших мудрых наставников.

ШКОЛА ПЕРВАЯ, ШКОЛА ВЕРНАЯ

Коллектив учителей первой школы считался сильнейшим в области. Но даже на фоне этого опытного коллектива выделялся простой учитель физики Соломон Абрамович Глускин. Его кабинет на втором этаже был самым интригующим в школе. Первый раз, когда я туда попал, мне показалось, что это какая-то научная лаборатория, заставленная приборами, оборудованием для проведения серьезных исследований. На его занятиях время бежало, как нам казалось, в два раза быстрее.

Уроки Глускина были просты и понятны. Его яркий самобытный талант и неординарное мышление создали ему авторитет среди учителей школы и города. Соломона Абрамовича уважали и любили ученики, многие из которых стали впоследствии учеными, кандидатами и докторами наук. Без всякого сомнения, это был талантливый педагог, гордость школы.

Он никогда не пользовался учебниками при изложении нового материала. Когда ученик при решении задачи избирал длинный путь, он его обычно прерывал и спрашивал: *«Ты мне скажи, ты пойдешь после школы домой здесь через дорогу или через второй Биробиджан, а может, через Валдгейм?»*. Ну а если ученик у доски при решении какой-нибудь задачи допускал серьезную ошибку, то обычно следовала реплика: *«Молодец, медаль тебе пятьдесят килограммов на шею»*. Никто из нас не обижался на эти шутки. Его выражения стали крылатыми и запомнились многим. Глушкин редко повышал голос, но его замечаний хватало, чтобы привести ученика в чувство.

Кроме него, в школе в те годы работали такие известные Учителя с большой буквы, как Инна и Даниил Белаги, Елена Скидан, Полина Ханукова, Эдуард Винарский, Зоя Кесельбренер, Лариса Кац, Бронислава Хинкис, Дина Школьная (моя первая учительница) и многие другие. Они воспитали и обучили тысячи учеников, ставших затем известными преподавателями, врачами, руководителями предприятий и организаций, учеными, рабочими и просто хорошими людьми.

Средняя школа № 1. Начало 1950-х годов

В шестидесятые годы в маленький провинциальный городок Биробиджан, о котором мало кто знал, стали приезжать приемные комиссии из Томского института радиоэлектроники и электронной техники, новосибирского Академгородка. И все потому, что прослышали о победах наших школьников на олимпиадах. Приемные комиссии вузов сняли сложную финансовую проблему, связанную с поездкой ребят на экзамены в институт, что было весьма кстати для семей, где росли вундеркинды.

Это уже был реальный результат оценки труда наших учителей. Среди выпускников первой школы широкую известность получили Владимир Буряк – доктор геолого-минералогических наук, профессор, лауреат Ленинской премии (1982), действительный член Международной академии минеральных ресурсов, главный научный сотрудник ИКАРП ДВО РАН; Александр Левенталь – кандидат экономических наук, министр экономики Хабаровского края; Борис Котлерман – доктор филологии, профессор Бар-Иланского университета в Тель-Авиве; Леонид Блинов – доктор педагогических наук, проректор ДВГСА; Борис Голубь – кандидат географических наук, профессор ДВГСА; Полина Поцелуйко – заслуженный учитель РФ; Семен Стругачев – заслуженный артист России; Анатолий Тихомиров – председатель Законодательного собрания ЕАО; Иосиф Гольдберг – мой товарищ, сосед по деревянному дому, где мы прожили бок о бок почти 15 лет, который несколько лет назад стал лауреатом Государственной премии России.

Мой тезка был на несколько лет старше меня. У него во дворе стоял теннисный стол, где летом собирались ребята из близстоящих домов и устраивали импровизированные соревнования. Запомнился мне и его «крупный выигрыш». В 1961 году, когда в стране проводилась деноминация, копеечные монеты решено было не изымать из денежного оборота. Тогда почти в каждом доме стояли копилки – глиняные собачки, кошки или поросята, куда собирали обычно пятаки. Иосиф же собирал копейки. И вот настал этот день. Государство себя не могло обидеть, и все цены бы-

ли округлены в большую сторону. И только один известный мне человек выиграл чуть-чуть от этих игр. В его копилке было более шестисот с лишним копеек, и он сразу увеличил эту сумму в десять раз. Хоть кому-то повезло. Мы все тогда были рады и поздравляли его с этим выигрышем. Но это случайное везение было началом его насыщенной жизни, полной кропотливого труда и научных открытий.

Можно назвать еще много других заслуженных людей, ныне работающих как у нас в области, так и далеко за её пределами, – выпускников первой школы. Почти весь учительский коллектив школы сейчас состоит из её бывших учеников, что говорит само за себя. Не каждая школа может этим похвастаться.

Наши учителя не были пророками. Они учили нас тому, чему научили их. Может быть, они лучше видели проблемы, несправедливость, безысходность существующей действительности. А может, видели, но боялись говорить об этом – еще не настал час.

СОВЕТСКАЯ АРМИЯ ВСЕХ СИЛЬНЕЙ

Меня, как и всех парней, после школы призвали на действительную военную службу. Группу биробиджанцев направили в сержантскую школу недалеко от Уссурийска.

Армейская служба была не в тягость. Готовили из нас командиров отделений для авточасти. В это учебное подразделение (тогда был ещё «Союз нерушимый республик свободных») собрали представителей Дальнего Востока, азиатских республик, плохо говоривших по-русски, и некоторых городов европейской части России.

С удивлением я тогда узнал, знакомясь с ребятами, что многие из них не знали, где находится Биробиджан, почему-то вспоминали в этой связи Азербайджанскую республику. Смех, да и только. Даже не представлял тогда, что кто-то может не знать, где находится наш город. У всех, ко-

го собрали в этой учебке, были водительские права. И нам через месяц занятий предстояло доказать, что мы можем водить грузовые машины. В основном это были ЗИЛы – 157.

Конечно, это не «Жигули», и опыт вождения таких машин приходит со временем, но от нас требовалось всего-навсего проехать летом, по ровной дороге, а не по сопкам и перевалам, в колонне около трехсот пятидесяти километров. Вроде бы все просто, рядом сидит инструктор, а ты дави на газ и смотри за дорогой, но на деле вышло совсем наоборот.

Как говорят опытные водители, давить на газ – не значит уметь водить машину. Наш ЗИЛ шел где-то в конце колонны, и мы то и дело догоняли и обгоняли стоявшую на обочине дороги нашу технику. Доехав до конечного пункта, где предстояло развернуться и уже в ночь ехать обратно, мы стали ждать отставшие машины.

Начало темнеть, а пять машин так и не доехали до конечного пункта. Командир полка выслал техпомощь вместе со специалистами, а их и след простыл. Наконец, урча моторами, показали три машины. Зампотех что-то доложил командиру, и тот отдал команду «построение».

Трудно передать словами, что мы услышали от командира полка. Нормы литературного языка не рекомендуют это воспроизводить. Главным в его пламенной речи был вопрос к водителям из среднеазиатских республик: «За сколько баранов они купили права и почему их показали, когда пошли служить в армию?». Все это сопровождалось нецензурной бранью, которая вызвала почему-то у некоторых смех, за что им тоже попало.

Получив сухой паёк, мы быстро перекусили и стали разворачиваться в обратный путь, но, как будто специально, одна машина съехала при этом простом развороте в кювет, чем вызвала у командира опять такой мат, что он был слышан далеко в округе. Досталось и сержантам-инструкторам.

Дорога домой всегда короче. По возвращении мы не досчитались уже шести машин. Нас отпустили в казармы, а офицеры и прапорщики поехали разыскивать технику.

К утру все добрались – кто своим ходом, кого притащили на буксире из-за аварии.

Но мне так и не довелось закончить эту школу и получить сержантские погоны. Во время поездки на сборы в Хабаровск я случайно встретился в части с Анатолием Шабловским, с которым мы вместе занимались акробатикой у Валентина Машкова. Увидев меня, он обрадовался и сказал, что через пару месяцев намечаются соревнования по акробатике и меня обязательно вызовут в Хабаровск.

Я не придавал этому серьезного значения, но по возвращении через неделю меня вдруг вызывает командир полка и, пристально вглядываясь, устраивает что-то вроде допроса. Действительно ли я занимаюсь акробатикой, как узнали обо мне, что служу в этой части, и т. д. и т. п. Все же в конце разговора он дал напутствие – не подведи нас – и благословил на поездку в спортроту на сборы.

В Хабаровске все пошло своим чередом. Шабловский встретил меня как родного брата, и начались тренировки, соревнования, которые ускоряли бег времени. Не обошлось и без приключений. Обычно на тренировки в спортивный клуб, который располагался в Доме офицеров на Комсомольской площади, мы добирались на автобусе, а затем по переулкам шли к нашему зданию.

По неопытности мы с товарищем захотели доехать до улицы Карла Маркса и пройти по центру города. Нас предупреждали, что военный патруль если остановит, то обязательно найдет, к чему придраться. Так оно и случилось. Не успели мы пройти несколько сот метров, как из-за угла нам навстречу вышел патруль. Отдав честь, мы думали, что проблем не будет, поскольку документы были в порядке, но не тут-то было.

Начальник патруля обратил наше внимание на то, что верхний крючок стойки воротничка на кителе не застегнут. И предложил нам пройти в комендатуру для выяснения и разбирательства. Наши объяснения, что на улице жара и срывается тренировка, не вызвали никакой реакции.

В комендатуре, куда мы добрались в сопровождении патруля, как раз подошло время обеда, которое растянулось на два часа, и нам был дан приказ отрабатывать до конца обеда строевой шаг на плацу во дворе комендатуры. Под палящим солнцем, наглухо застегнутые, как и положено, в парадной форме одежды, предварительно перемотав портянки, мы с товарищем все это время печатали строевой шаг, обливаясь потом.

После обеда пришел дежурный офицер и, посмотрев на нас, сказал, что на сегодня, наверное, наша тренировка закончилась. За своим весом мы следили постоянно, поэтому, придя в казарму и став на весы, увидели, что сбросили два килограмма. В спортроте, узнав о приключениях, над нами добродушно посмеялись, а от старшины досталось за то, что попались патрулю. Это была первая и последняя встреча с ним, так как больше по главной улице мы не ходили.

Но под конец службы был случай, когда я чуть не попал на гауптвахту на десять суток. Остававшиеся в нашей роте на сверхсрочную службу спортсмены получали комнаты в общежитиях или квартиры, которые мы им по дружбе после тренировок помогали побелить и покрасить.

В один из воскресных зимних дней вместе с моим товарищем Виктором Вейцманом, перешедшим на сверхсрочную службу, мы поехали к нему домой привести в порядок комнату, выделенную ему в семейном общежитии. Выйдя за ворота части, я переоделся за углом в гражданскую одежду, отдав шинель и шапку проводившим меня сослуживцам. Вечером они должны были встретить меня и принести эту одежду обратно, чтобы я не имел проблем с патрулем. Летом мы иногда надевали за воротами части спортивные костюмы, складывали военную форму в сумки и, не оглядываясь на патрули, ездили на тренировки.

Возвратившись после работы к проходной, я попросил дежуривших солдат вызвать моих друзей с вещами. Через несколько минут шинель и шапка были у меня, и я, полевнившись переодеться, надел шинель поверх пальто, под-

поясав слегка ремнем, и пошел в казарму. И тут из здания навстречу мне вышел дежурный по части офицер.

Увидев неестественно крупную фигуру, он остановил меня и, заподозрив неладное, завел в дежурную часть. Мои объяснения о переодеваниях он не стал слушать, а позвонил нашему командиру роты и вызвал старшину. Пару часов я просидел в «кутузке», пока не пришел старшина и не забрал меня оттуда.

Замять эту проблему не получилось. Дежурный по части не шел на компромиссы, хотя понимал, что это была не самоволка. В понедельник командир роты также предпринял усилия, но и они не помогли. Был подготовлен приказ отправить меня из спортивной роты в часть.

Так за пять месяцев до окончания службы я попал в воинскую часть под Хабаровском. Там служили специалисты, и мне не нашлось другой работы, кроме как оформлять ленинскую комнату, которая, как полагается, была в каждом подразделении. Для приобретения мебели, красок нужны были деньги, а их на эти цели не давали. Командиры обычно договаривались с предприятиями, отправляя на работу солдат без оформления, и в результате такого нелегального сотрудничества собирали крохи, на которые все и покупалось.

Наш замполит находился в таких «договорных» отношениях с небольшим заводиком по переработке леса в Переяславке. Почти ежедневно заводской автобус забирал из нашей части десять-двенадцать солдат, которых использовали на подсобных работах. После моего приезда в часть, узнав, что я рисую, замполит договорился с предприятием, что мне дадут оформить красный уголок.

Для сцены предстояло написать панно площадью более двадцати квадратных метров: Кремлёвская стена с Дворцом Съездов, а в центре – портрет В.И. Ленина. На мои доводы замполиту, что я ещё не делал такие большие работы, он категорически возразил, что не боги, мол, горшки обжигают, и благословил меня на эти художества.

Замполит принес проектор, который настроил на сцену, и я нанес все основные линии, в том числе силуэт Ленина, так как искажения великого профиля допустить было нельзя. Почти месяц я работал в красном уголке. За это время успел собрать на территории предприятия обрезки редкого у нас красного дерева, из которого начал резать скульптуры.

Иногда смена обстановки дает импульс к творчеству, так получилось и у меня. Свободное время, которого после работы оставалось довольно много, уходило на деревянные скульптуры. Резьба по дереву увлекала меня, забирала каждую свободную минуту, как будто притягивала к себе душа дерева.

Вспомнил школу, где ходил на факультатив по рисованию. Несколько моих рисунков, сделанных карандашом на внеклассных занятиях, были тогда выставлены на школьной выставке. Вспомнил и художника Владимира Павленко, преподавателя Биробиджанского педагогического училища, который жил в квартире на втором этаже деревянного дома, что стоит и сегодня напротив вокзала. Его двухкомнатная квартира с печным отоплением была заставлена картинами, написанными маслом, полотна в рамках и в подрамниках были развешены или стояли у стен. В большой комнате на стене висела копия с картины Шишкина «Утро в сосновом лесу», которая была выписана так тщательно, что только при ближайшем рассмотрении можно было различить мазки кисти.

Картины издавали мягкий запах масляных красок. Стоявшие у окна мольберт и банки с кистями различной величины звали к работе. Мне хотелось скорее узнать секреты смешивания красок, технику письма, а Павленко в течение нескольких занятий, что я к нему ходил, рассказывал о построении рисунка, о свете и тени, о полутонах. «Краски, – говорил он, – сами к тебе придут, ты же не дальтоник». Это общение с художниками – очное и заочное – не прошло для меня бесследно.

Принимали сцену все вместе: директор предприятия, секретарь партбюро, председатель профкома и, конечно,

наш замполит. К моей радости, замечаний не было, всем понравилась моя работа, и, самое главное, мой Ленин был похож на настоящего Ленина.

После этой халтуры (в хорошем смысле слова) замполит построил батальон и вынес мне благодарность, добавив, что за этот месяц я один заработал денег больше, чем все остальные вместе взятые. Понятно, что денег я не видел. Зато в казарме все было выкрашено эмалевыми красками, которые я каждый раз понемногу отливал из бидонов для ремонта казармы. Очередная проверка политработы прошла успешно, о чем нам с радостью сообщил замполит на построении.

Документы на дембель он оформлял с сожалением и благодарностью. За день до моего отъезда посадил меня на свой мотоцикл и предложил съездить пообедать в столовую в Переяславку. Туда мы добрались без приключений. Заказав обед, а к нему трехлитровый графин пива, мы хорошо посидели, переговорили обо всех – моих и его – планах на будущее.

Под припекающим майским солнцем нас немного разморило, а пиво слегка ударило в голову. Забравшись на мотоцикл, благо он был с коляской, мы с места рванули в часть. Дороги тогда были гравийные, и от тряски у замполита слетела на каком-то повороте фуражка. Ему бы остановиться сразу, но реакция «под градусом» уже не та, и когда мы остановились, то отъехали от места, где слетела фуражка, метров пятьдесят-семьдесят. Минут двадцать ходили по обочине, искали фуражку, но её как ветром сдуло. Замполит из-за этой потери особо не расстроился, но скорость сбросил, и до казармы доехали спокойно. Так закончился мой последний день службы в армии.

НАЧАЛО ТРУДОВОГО ПУТИ

Отслужив срочную службу, которая подтвердила мою склонность и к искусству, и к спорту, я встал перед выбо-

ром, куда пойти дальше учиться. Безусловно, при принятии решения вся ответственность ложилась только на меня.

Надо было учесть и то, что родителям в финансовом отношении было бы невозможно содержать одновременно трех студентов, так как сестра уже поступила в вуз, а брат заканчивал школу и тоже собирался поступать в институт. У меня, как у старшего в семье сына, оставался единственный выход: учиться заочно, чтобы не быть обузой родителям, а помогать им. В институте физической культуры и спорта была возможность учиться именно так.

Но была ещё одна причина поступить на заочное: предстоящая свадьба с очаровательной шатенкой с огромными голубыми глазами – Аннотой, которая заканчивала учебу в медучилище.

Свадьба наша состоялась по случайному совпадению в день открытия летних Олимпийских игр в Мюнхене. Олимпиада, с её печально запомнившимся захватом в заложники команды израильских спортсменов арабскими террористами, ушла тогда на второй план, а на первом плане в тот день был небольшой зал столовой завода «Дальсельмаш», где собралось почти девяносто человек, чтобы отметить с нами торжество.

На этом заводе работала вся большая семья Рафаила Херсонского, мастера «золотые руки», депутата Верховного Совета СССР седьмого созыва, который выдавал замуж свою младшую дочь.

Запомнился всем еврейский оркестр с духовыми инструментами и сидящим за огромным барабаном настоящим виртуозом дядей Яшей, который стучал в него с такой силой и прихлопывал медными тарелками так громко, что других инструментов не было слышно. Он один «делал» музыку, заводя танцующую толпу своими выкрутасами на барабане и тарелках. Дядя Яша успевал работать в такт ногами, руками, делая какие-то немыслимые па, подпрыгивая по ходу, колотя по всему набору инструментов, включая даже стул, на котором он сидел, – настоящий еврейский музыкант!

Поселок Обозный. 1953 год

Шум от этого оркестра оставался в ушах и на следующий день, когда в узком семейном кругу две наши мишпохи собрались продолжить торжество в частном доме в поселке, где жили Херсонские, и мой тесть, вспоминая вчерашние мелодии, запевал, копируя тембр голоса Утесова, еврейские песни и постукивал в такт огромными руками по краю стола так, что посуда на столе качалась и подпрыгивала.

Конкурс на вступительных экзаменах в институт физической культуры и спорта был в то время большой. В организациях, на предприятиях открывались комитеты по спорту, и, соответственно, требовались спортивные работники.

Спартакиады шли одна за другой, сдача норм ГТО включалась в пункты социалистических обязательств. Инструкторы по физкультуре и спорту были тогда в почете, особенно когда среди них были такие асы, как Аркадий Гайдарович, Михаил Гринберг, Семен Беспалов, Валентин Машков.

Поступив в институт без особых проблем, устроился инструктором производственной гимнастики в горпищеторг с окладом в 90 рублей. Через полгода друзья перетянули меня в Биробиджанскую автошколу ДОСААФ. Эта организация была в то время в большом почете. В Биробиджане построили новый учебный корпус, автодром, передали из воинских частей автотехнику. Мой приход в эту школу как раз совпал с активизацией работы, увеличением набора молодежи, которая проходила подготовку и обучение на курсах водителей перед призывом в армию. Как молодому специалисту, мне и еще нескольким преподавателям были выделены квартиры в бревенчатом одноэтажном доме по Волочаевской, в котором ранее размещалась санбаклаборатория. Из-за древности постройки тридцатых годов фундамент сгнил, и дом ушел в землю. Со стороны улицы, почти вровень с дорогой, была завалинка, которую уже давно никто не разбирал.

Огромные окна моей маленькой квартирki выходили на юго-восток. Дом был с печным отоплением и всеми удобствами на улице, но это была наша квартира. У многих не было и такой. Летом солнце буквально светило в каждом уголке, но зимой свет не согревал, а прогнившие бревна в основании дома вымерзали. Печка не могла растопить обледеневшие углы в квартире, где вместо холодильника можно было хранить продукты питания.

Сын Димка, выросший в этом доме, дал ему меткую характеристику, когда мы уже переехали в новую двухкомнатную квартиру в панельном доме: «Папа, а помнишь, мы жили в черном доме...». Он был на сто процентов прав. Дом действительно был черным, так как бревна не выдерживают долго контрасты нашего климата: солнце, дождь, снег и снова солнце, от чего дерево чернеет, и никуда от этого не деться...

Руководил автошколой ветеран войны Семен Баселин. Вместе с ним, а также при поддержке истинных любителей автотехники, моих коллег по работе Ивана Кривошеева, Георгия Вейцмана, Геннадия Фельдмана мы впервые в облас-

ти организовали соревнования по автомобильному спорту. Эти зрелищные соревнования, в которые входило фигурное вождение машины и некоторые элементы из комплекса ГТО, почему-то сейчас забыты. Наши спортсмены принимали участие практически во всех соревнованиях дальневосточного региона.

Почти в это же время начал культивироваться в области и мотоциклетный спорт. Одним из первых к нам в секцию пришли Александр Гусев и Федор Буйвол, ставший в дальнейшем мастером спорта и руководителем секции.

С их помощью я провел первые открытые областные соревнования, на которые мы пригласили спортсменов из Хабаровска. Проходили они в районе старой, уже осыпавшейся дороги, ведущей от разобранного деревянного моста на правом берегу Биры. Хоть для нас трасса была знакомой и объезженной, так как мы сами её и готовили, но благодаря мастерству хабаровских спортсменов первые места остались за ними. Это увлекательное и захватывающее занятие: наблюдать за десятиметровыми прыжками на мотоцикле, когда пронзительно воют моторы, а ты стоишь в метре от трассы, по которой на пределе мощности проносятся гонщики, – дух невольно захватывает, а уровень адреналина в крови резко повышается.

После перевода на третий курс института мне предстояло проходить педпрактику. Тогда же принял решение перейти работать в школу. На третий год работы в школе я познакомился с Леонидом Школьниковым, молодым поэтом и журналистом газеты «Биробиджанер Штерн». Он познакомил меня со своими коллегами в редакции, и с тех пор началось моё сотрудничество с еврейской газетой.

ГАЗЕТА «БИРОБИДЖАНЕР ШТЕРН»

Во второй половине семидесятых годов, в канун приближающегося пятидесятилетия ЕАО, произошло некоторое

оживление еврейской культуры в области. В 1978 году был создан Камерный еврейский музыкальный театр. Учитывая, что молодежь в городе уже практически не знала языка, а в газете «Биробиджанер Штерн» работали в основном пенсионеры, было принято специальное постановление Совета Министров об укреплении кадров и направлении по целевому набору на учебу выпускников биробиджанских школ в Москву для обучения журналистике и языку идиш.

Была подобрана группа молодежи для обучения в Хабаровской высшей партийной школе, куда направили меня и уже работавшего в редакции Леонида Школьника.

Так школьную парту я поменял на парту партийной школы. С Леонидом мы подготовили первое в те годы пособие для изучающих идиш, которое было издано при содействии Хабаровского крайкома КПСС в количестве 50 экземпляров.

Два года учебы пролетели быстро. Но сделать из нас профессиональных журналистов со знанием языка не получилось, так как не смогли за это время найти преподавателей идиш и журналистики. Осваивать всё пришлось непосредственно в редакции.

Мои первые заметки, опубликованные в газете «Биробиджанер Штерн», не принесли мне удовлетворения – отчасти из-за того, что не все мои друзья и знакомые могли читать на идиш. Но моя собственная проблема заключалась в том, что я не мог думать на, казалось бы, родном языке и практически не знал литературного языка.

То, что писали молодые сотрудники редакции, вначале отдавалось нашим ветеранам-переводчикам, которые были уже пенсионного возраста, а затем поступало на стол редактору. В результате от заметки оставался порой только смысл, все остальное в тексте было совершенно неузнаваемо, похоже на штамп, так как делалось одними и теми же людьми, писавшими одним и тем же языком.

Знание языка на бытовом уровне, чтение, письмо, несомненно, помогли быстрее войти в колею. Маленькие заметки, написанные на идиш, стал сам приносить редактору. Через

полгода работы главный редактор газеты Наум Корчминский сказал, что мне пора вместе со всеми остальными сотрудниками нести дежурство с ответственным за выпуск редактором. На практике это означало, что редактор читает текст материала, а мне необходимо следить, чтобы в полосе все это совпадало с оригиналом.

Если кто-то думает, что это все элементарно просто, тот глубоко ошибается. Особенно если для вас это не родной язык. Иногда Корчминский хотел проверить, насколько я освоил язык, и читал текст материала, специально проглатывая окончания или перескакивая на другую строку, интонационно пропуская знаки препинания, ускоряя чтение до такого предела, что после сверки материалов одной газетной полосы и ему, и мне требовался перерыв, чтобы снять напряжение.

В мою обязанность входило следить за тем, чтобы редактор при чтении не пропустил ни одного слова или его окончания, ни одной точки, запятой. Надо было его останавливать каждый раз, когда он делал это специально, чтобы проверить мою бдительность, или когда что-то выпадало на самом деле при линотипном наборе.

*В редакции газеты «Биробиджанер Штерн».
Слева направо: Л. Школьник, О. Эскин, В. Темцин, И. Бренер,
Ю. Колесников – писатель, Р. Шойхет*

Работа в редакции была интересной и творческой. Ты постоянно находишься в гуще происходящих событий, первым узнаешь новости, часто встречаешься с различными людьми, чтобы написать о них очерк в газете, похвалить за хорошую работу. Критика тогда была, как мы сейчас понимаем, строго дозированная. В основном партийные комитеты, мягко говоря, подсказывали, кого надо пропесочить, а кого похвалить.

Рядом с нами, молодыми журналистами, работали такие корифеи еврейской журналистики, как Абрам Володарский, Семен Кердман, Шнеур Конник, Роман Шойхет. Литературную полосу редактировал дома Бузи Миллер, который из-за плохого самочувствия только изредка приходил в редакцию газеты пообщаться с коллегами. Иногда он вел у нас занятия по идиш.

Лучше его в Биробиджане вряд ли кто знал язык и мог так писать на нем. С Миллером советовались не только местные коллеги, но и сотрудники журнала «Советиш Геймланд» – «Советская Родина», издававшегося в Москве, где он был также членом редакционной коллегии.

Как-то раз Корчминский попросил меня отнести литературную полосу для правки Миллеру домой. Жил он на улице Торговой (ныне носит имя Миллера). Дверь мне открыл сам Бузи. Не показывая, что плохо себя чувствует, он, взяв у меня материалы, пригласил пройти в небольшой кабинет.

Полки, заставленные книгами, стол с рукописями как на русском, так и на идиш внушали неподдельное уважение к этому человеку. Он же воспринимал все просто и буднично, без высокомерия и снисходительности. Мы недолго беседовали. Кто я был для него? Молодой человек, только начавший работать в редакции, чисто случайно принесший полосу, что обычно делали посыльные. Но ему было интересно узнать, кто мои родители, чем я занимаюсь, как продвигается изучение языка. Он хорошо знал мою маму, с которой часто встречался утром, идя на работу.

Миллер посоветовал больше читать в подлиннике Шолом-Алейхема, этого знатока человеческой души. Его литературный идиш напоминает «мамэ-лошэн», то есть язык, который человек впитал в себя с молоком матери. Это язык наших бабушек и дедушек, язык местечек, где они жили, на котором так просто и понятно писал Рабинович, взявший себе псевдоним Шолом-Алейхем. Ни на каком другом языке не скажешь и не напишешь так, как он писал на идиш. Язык Шолом-Алейхема имел особый колорит, присущий только ему.

Мы смотрели на Миллера, как на живую легенду. Без сомнения, этот человек был неординарной личностью. Он почти всегда оказывался в центре событий в качестве лидера и нередко становился объектом критики со стороны власти. Об одном таком случае с Бузи Миллером прочитал в книге «Биробиджан вблизи», написанной Эстер Розенталь-Шнайдерман и вышедшей в Иерусалиме в 1983 году.

(Эстер Розенталь-Шнайдерман (1902–1989 гг., Иерусалим) – педагог, публицист. С 1920 года в СССР, окончила аспирантуру Института еврейской пролетарской культуры при ВУАН. Работала в Киеве, в Биробиджане, на Северном Кавказе. В 1935 году вместе с мужем Нисоном Розенталем, поэтом, публицистом, уехала в Биробиджан, где они прожили несколько лет.)

Небольшая зарисовка из этой книги «История с обрезанием» восполняет недостающее звено прошлой жизни тридцатых годов, о которой так мало известно (перевод с идиш. – И.Б.)

«В Биробиджане кипит, как в котле. Из уст в уста передаётся история, кто и что сказал на совместном собрании писателей и учителей. Стало известно о “контрреволюционном” деле. Еврейский писатель Бузи Миллер сделал обрезание своему сыну. Миллер доказывал, что он ничего не мог знать, так как его к тому же не было дома. Прodelали всю эту работу тесть с тещей и его женой. Миллер к тому ещё является комсомольцем. Встал вопрос исключить его из обеих организаций – объединения писателей и комсомола.

К тому же он учитель еврейского языка и литературы.

“Снять с работы!” – потребовали некоторые его коллеги.

“Исключить из комсомола!” – стучали по столу другие.

Обвиняемый оправдывался, что его там не было, он не присутствовал и ничего не видел. Ему представляется, что само обрезание произошло, когда они были на Украине, а он уехал в Биробиджан, а затем семья возвратилась вслед за ним в Биробиджан в 1936 году, и он никак не может быть виновным в этом. Миллер получил выговор от комсомола, его материалы прекратили читать на биробиджанском радио. Обвиненный еврейский писатель долгое время ходил с опущенной головой, стесняясь смотреть людям в глаза».

Попав в прокатившуюся по всей стране в 1947 году волну борьбы с космополитизмом, Бузи, как и тысячи других талантливых и преданных стране людей, стал «врагом народа». Отсидев семь лет в лагерях как политзаключенный, Миллер не затаил на людей зла, он остался Человеком с большой буквы. Все эти годы, проведенные на тюремных нарах, он согревался весточками и посылками от семьи. И в радости, и в горе, как повелевает обет, даваемый молодыми в день бракосочетания, перенесла она вместе с ним страдания тяжелой разлуки и радость прожитых лет.

Возвратившись из мест не столь отдаленных, Бузи никак не мог смириться с мыслью, что на него косо смотрят бывшие коллеги, знакомые, ведь он был освобожден из заключения за недоказанностью вины. Такое судебное решение его, до мозга костей верившего в правоту ленинских идей и в человеческую справедливость, не могло устраивать. Миллер решил добиться полной реабилитации. Бузи говорил, что без партбилета он не мог жить дальше и существовать как человек.

Если бы он знал, что ему предстояло преодолеть! Собрав маленький чемоданчик, он сел на поезд и поехал в Москву к Брежневу. Шесть жутких месяцев хождений по разным кабинетам властных структур и судам укрепили Миллера в

своей правоте. Он добился полной реабилитации. Правда восторжествовала!

Через полгода с поезда на биробиджанский перрон сошел совсем другой человек. Лицо Миллера, уставшее и осунувшееся, небритое, светилось радостью. Семья Бузи в полном составе и друг семьи Леонид Урин, встречавшие его на вокзале, все поняли без слов по его искрящимся глазам.

Но прошел ещё не один месяц, пока были улажены все проблемы, пока Миллера восстановили в партии, вернули партбилет и он снова стал редактором газеты «Биробиджанер Штерн», вошел в привычную колею и с наслаждением окунулся в творческую работу.

Семья Миллера после возвращения из лагеря Бузи Миллера

Но жизнь то и дело проверяла его характер и волю. Как-то из-за границы в его адрес пришла посылка, в которой было пальто. Миллер не стал её получать, написав открытое письмо в газету, что он не нуждается в подачках. Это был в то время поступок, на который не каждый способен, и это после

всех испытаний, выпавших на его долю. Кому-то, может, покажется, что им двигал страх перед властью, но чем можно было испугать человека, сохранившего свои убеждения и, что самое главное, достоинство, несмотря на все испытания?

КРИК ДУШИ

Произведения Б. Миллера, написанные им до и после тюремного заключения, были далеки от политики. Будучи по натуре человеком мирного склада, он не конфликтовал с жизнью, а изучал её с разных сторон и писал о человеке и природе.

Но было одно исключение. На заре горбачевской перестройки Миллер написал поэму на идиш, опубликованную в ноябре 1987 года в газете «Биробиджанер Штерн» под названием «Перестройка сердец».

Бузи, свято веривший в торжество идей Маркса, Энгельса, Ленина, возненавидел Сталина жгучей ненавистью. Он не писал о политике. Его книги не воспроизводили горечь людей, прошедших все круги сталинского ада, сгнивших в болотах ГУЛАГа, на лесоповалах, похороненных под номерами или засыпанных сырой землёй без надгробий. Души этих людей, безвинно ушедших из жизни, не вернувшихся к домашнему очагу, сейчас, наверное, в раю. Лишь годы лечат такие раны. Время – лучший лекарь.

Сердце Миллера за несколько месяцев до смерти выплеснуло наружу копившиеся десятки лет эмоции. Это был крик души: он ощутил потребность рассказать окружающим его людям о самом тяжелом для него дне, о самом страшном для страны периоде жизни, через который прошли его семья и миллионы соотечественников.

Впервые эта поэма приводится здесь полностью. (Подстрочный перевод с идиш Лены Сарашевской и Ривы Шмайн, литературный перевод сделан биробиджанским поэтом Виктором Соломатовым, ныне живущим в Израиле.)

Перестройка сердец

I. От границы к границе, из конца и в конец
Пусть летит эта весть, словно русская тройка,
Весть о том, что идет перестройка сердец,
Перестройка умов, наших душ перестройка.
Нас ждет время великих и славных трудов,
Нам еще предстоит обустроить не только
Быт деревни, устроить судьбу городов,
Предстоит нам сознания и душ перестройка.
Нам, прожившим полвека во лжи,
Поклонявшимся идолам, нами же созданным,
Предлагается ныне по-новому жить,
Под луною и солнцем, под яркими звездами.
Нам, хлебнувшим и бед, и кручинушки всласть,
Нам, кумиров своих славословивших бойко,
Должно нам уяснить: так какую же власть
Нам сулит и несет перестройка?
Тех, что в креслах высоких и мягких своих
Позабыли о бедах и нуждах народных?
Или тех, что кормили и холили их,
Полагая себя беспредельно свободными?
Но сидящие в креслах высоких и креслах пониже
Не спешат расставаться с местом насиженным,
Таким уютным, таким нагретым,
И ученье Маркса разводят пожиже,
И цитаты, как бусы, на ниточку нанизывают.
Но мы-то помним, как долгие годы
Они, и никто другой, нам морочили головы.
На словах было «Все для народа!»,
А народ чуть не вымер с голоду.
Они «подчеркивали», они «указывали»,
Они «направляли», они «руководили»...
Пора покончить с черной проказою,
Время пришло. Часы проббили.
Да! Проббили часы. Наше время пришло.

Но в стремлении к свободе и свету
Не должны забывать мы того, что прошло,
Но не кануло в Лету.
От границы к границе, из конца и в конец
Пусть летит эта весть, словно русская тройка,
Весть о том, что идет перестройка сердец,
Перестройка умов, наших душ перестройка!

II. А Он при жизни Богом стал земным,
Родным отцом державы многоликой.
Все сущее склонялось перед ним.
Он был один великий из великих.
Обласканный потоком славословий,
Он сам себя вознес на пьедестал.
Никто ему в стране не прекословил,
И Он один ее народом стал.
Он ДнепрогЭС построил и Магнитку,
Он выиграл Великую войну.
Звучали неприкрытою агиткой
Послания, обращенные к нему.
Он отвергал любые возраженья,
Умело уходил от скользких тем,
Всегда работал на опережение –
Нет человека, значит, нет проблем!
Цитаты все из Ленина талдыча,
Входил он постепенно в роль вождя.
Он скрадывал, как тигр, свою добычу,
Родных и самых близких не щадя.
И смертный стон стоял по всей Отчизне,
Ее кровавым потом залил он.
Так пали Киров, и Орджоникидзе,
И тыщи тех, чье имя легион.
Он памятники им потом поставил,
Их именами города нарек,
Чтоб знали все, что он, товарищ Сталин,
Есть «самый человечный человек».

Пьедесталов красен гранит,
Он кровью невинной омыт,
Так пусть же никто не будет забыт,
Пусть все наша память хранит.
Склонись пред этой горестною былью,
Читатель мой, и скорбно помяни
Всех тех, что стали лагерною пылью,
Жестоко убиенных без вины.
От границы к границе, из конца и в конец
Пусть летит эта весть, словно русская тройка,
Весть о том, что идет перестройка сердец,
Перестройка умов, наших душ перестройка!

III. Жертв безымянных, помыслов и чаяний
Погибших даже не миллион.
Но не могу их обойти молчанием,
Не в силах я не вспомнить их имен.
Как мне забыть, как мне не помнить их,
Вовек о них я память не отрину –
Две женщины, два ангела земных,
Святые наши Анна и Марина.
Расстреляны безвинно их мужья,
А дети все по ссылкам да острогам.
Безверья сумрак – и никак нельзя
Скреститься вновь их жизненным дорогам.
Одна сама грех на душу взяла –
Повесилась в Елабуге безвестной.
Другая – та жила, как не жила,
Имея всепланетную известность.
И пробил час, пришел тот страшный год,
Под нож пошли мои родные братья –
Гофштейн и Бергельсон, и Аксельрод,
Квитко и Маркиш... Богово проклятье
Легло на них, но гнев был не с небес.
Прогневали они земного Бога.
И знает всяк у нас: чем дальше в лес,

Тем больше дров. Хоть мысль сия убога,
Её продолжу – ведь душа горит
И сердце захлестнула мне тревога.
Поднялся в эти дни Антисемит –
Ох, тяжела еврейская дорога!
Неважно кто: писатель, брадобрей,
Аптекарь, токарь – ты шпион английский.
Придут, возьмут за то, что ты еврей, –
И десять лет без права переписки.
Те ночи нынче, как кошмарный сон,
Не жизнь – одни доносы и наветы.
Но веровали мы: не знает он
Того, что за спиной творят клеветы.
А он в крутых интригах был мастак,
Продукт ядреный, старого замеса...
Ах, эти «перегибы на местах»,
Ах, щепки, что летят при рубке леса!
От границы к границе, из конца и в конец
Пусть летит эта весть, словно русская тройка,
Весть о том, что идет перестройка сердец,
Перестройка умов, наших душ перестройка.

IV. А он непогрешим. Он – Бог земной,
Он – солнце непрерывного рассвета.
А вместо солнца над моей страной
Давным-давно взошли его портреты.
Его акыны исторгают оды,
Нет славословьям края и конца,
И счастливы советские народы,
Согретые улыбкою Отца.
Он справедлив, он очень мудро правит,
Он реки поворачивает вспять.
И сам себе Он памятники ставит,
Их по Союзу и не сосчитать.
А за «колпочкой» лагерною ржавой –
Миллионы и миллионы человек.

Для них закон: шаг влево или вправо
И вверх прыжок – считается побег.
Но даже здесь, лишённые свободы,
Прошедшие этапы и тюрьму,
Мы верили еще Отцу народов
И письма слали слезные Ему.
Народу в землю полегло немало –
Такой вот социальный катаклизм.
Но, вкальывая на лесоповалах,
Мы верили, что строим коммунизм.
Из песни ведь не выкинешь и слова.
И помню я и четко, и остро,
Как светлой верой в Сталина родного
Мы грелись возле лагерных костров...
От границы к границе, из конца и в конец
Пусть летит эта весть, словно русская тройка,
Весть о том, что идет перестройка сердец,
Перестройка умов, наших душ перестройка.

V. Скончался Бог. Земные боги смертны.
Бессмертны их свершенья и дела.
Идеи и деяния бессмертны.
И слава им посмертная дана.
Да, умер Бог, и смерть Его омыта
Слезами всех народов и племен,
И все, что было горького, забыто
В тот день и час, когда скончался Он.
Великой скорбью, нестерпимой болью
Переполюнялись и рвались сердца.
И поклялись последнею любовью
И горестью о гибели Отца.
Бог опочил. Оплакали, отвыкли.
И всем в стране давным-давно известно,
Кого себе мы сами сотворили,
Кого при жизни мы боготворили
И славили, и пели повсеместно...

С тех пор прошло уже немало лет.
От идолов остались пьедесталы.
И бронза та, что шла на монумент,
Уже давно простым металлом стала.
И он лежит под мраморной плитой,
Уйдя от Немезиды и Фемиды,
И от страны, им кровью залитой.
Но живы на земле его хасиды.
Они слепою верой налиты,
Для них Он – Бог, могучий и великий.
И каждый день на мрамор той плиты
Ложатся три дежурные гвоздики.
Его хасиды даже и не те,
С кем собирал Он свой посев кровавый,
А те, что в пресловутой простоте
Ослеплены его былою славой.
Вот за рулем могучего КАМаза
Парнишка двадцати примерно лет.
Хоть Сталина не видел он ни разу,
На лобовом стекле – его портрет.
Велась исправно наших душ огранка.
Ужель не могут люди без царя?
Вот у соседа на стене чеканка –
Портрет Вождя работы кустаря.
Так где ж за злодеяния расплата?
Хозяин, с виду вовсе не хасид,
Промолвит, улыбаясь кривовато:
– Чего уж там, пускай себе висит.
Они – его хасиды, без сомненья,
И буду повторять я вновь и вновь:
Неистребима жажда преклоненья,
Неистребима рабская любовь.
И бесполезны все напоминанья
О тех, кто стерт был в лагерную пыль.
Хасиды, те твердят, как заклинанье,
Одно твердят: «При нем порядок был!»

Да как же нам себя-то уважать,
Поскольку живы, если разобраться,
В нас лютей страх, способность унижать
И жуткая потребность унижаться?!
Так лети ж по Земле, из конца и в конец,
Бубенцами звеня, словно русская тройка,
Весть о том, что идет перестройка сердец,
Перестройка умов, наших душ перестройка.

Биробиджан, ноябрь 1987 г.

Миллер – это часть истории Биробиджана, которую ещё предстоит написать, это часть литературного наследия прошлого поколения, которую надо сохранить наравне с памятью о пришедших после него Романе Шойхете, Леониде Школьнике, Викторе Соломатове и многих других поэтах и прозаиках, написавших о нашем городе с теплотой в душе и болью в сердце.

Мысли и чувства, содержащиеся в строках этой поэмы, несмотря на то что прошло почти двадцать лет, актуальны для нашей России и сегодня, особенно когда слышишь слова о том, что в этой стране без царя нельзя прожить, когда видишь, как то тут, то там поднимают голову антисемиты, прикрываясь различными лозунгами. История, конечно, всё расставит по местам. Каждому воздастся по его заслугам.

ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО

Семидесятые годы в нашей стране были расцветом всемогущей КПСС. Власть в обществе осуществлялась партийными аппаратами, начиная сверху и кончая первичными парторганизациями. Вертикаль партийной власти была выстроена таким образом, чтобы у низов и в мыслях не возникало другого представления об устройстве общества. Идеология, отработанная наверху и поставленная на высо-

чайший уровень, четко выполняла свою задачу, чтобы сознание советского человека не впитывало чуждые идеи.

Марксистско-ленинская теория и построенная на её базе коммунистическая идеология были единственным источником знаний, который тиражировался по всему соцлагерю. Все было подчинено одной цели: встать на путь, ведущий в светлое будущее – коммунизм. Для этого использовались все средства. Рим, чтобы держать в повиновении толпу и управлять ею, считал, что для этого достаточно хлеба и зрелищ. «От каждого по способностям, каждому по потребностям» – лозунг, выдвинутый партией, нам откровенно нравился, особенно его вторая половина! За это можно было бороться, и многие слепо верили в светлое завтра.

Партийные кадры в регионах по-разному решали стоящие перед ними проблемы. На первый план выходила личность, стоявшая на вершине ступеней власти. Это был своеобразный культ партии в масштабе края, области, города или села. Власть партии, о которой сейчас нам напоминает общественное устройство Северной Кореи, вызывает чувство стыда за прошлое и страх за наше будущее. Лозунг «Кадры решают всё!» надолго стал стержнем партийной работы. Зная, кто назначался на главный пост в партийном аппарате, можно было с большой вероятностью прогнозировать, как будут развиваться события или складываться отношения в регионе.

Взаимоотношения нашей области с краем выстраивались и решались также под руководством партийных органов. И по-другому быть не могло, так как область, по сути, была кузницей кадров для краевой партийной организации, и через неё прошли многие первые руководители Хабаровского края. Здесь будущие партбоссы набирались опыта работы, обкатывались на партийной и советской работе. Они долго не задерживались в области, переходя по службе на более высокую ступень – в краевые органы. Исключением из правил стали избранные первым секретарем обкома КПСС Лев Борисович Шапиро и председателем облисполкома Марк Матвеевич Кауфман.

Назначение Льва Шапира на этот пост было не совсем обычной ротацией – перестановкой кадров, так как до этого он работал секретарем парткома на заводе «Амурсталь», и его в области толком никто не знал. Нужен был на этот пост еврей по национальности, и край нашел для областной парторганизации такую кандидатуру. Ситуация с Марком Кауфманом была более понятна. Хорошо известный в области руководитель биробиджанского завода силовых трансформаторов давно был на виду, пользовался авторитетом и уважением за профессионализм, порядочность, умение грамотно решать сложные вопросы, и по праву был избран на эту должность.

Отличие этих руководителей от «залетных птиц» было понятно многим людям. Л. Шапиро и М. Кауфман не собирались уезжать из области. Это чувствовалось по их подходу к работе, решению проблем национальной автономии. Иногда мы что-то слышали о натянутых взаимоотношениях Льва Шапира с первым секретарем крайкома КПСС А. Черным вследствие принципиальной позиции нашего земляка по ряду вопросов.

Край не был доволен самостоятельностью области, так как после появления наших руководителей в министерствах Москва предупреждала чиновников края: она примет от них документы только после того, как область подпишет свою строку в краевом бюджете или целевое финансирование каких-либо проектов. Более того, область должна была обязательно подтвердить и завизировать свои расходы, которые учитывались в общей сумме выделяемых краю ассигнований.

По приглашению Марка Кауфмана в область приехал министр здравоохранения. После его визита министерством были выделены средства на строительство областной и инфекционной больниц, травматологического отделения (которое так и не достроили – сегодня там размещается городской суд).

Тогда же министр, по просьбе М. Кауфмана, выделил для облздрави современный финский автомобиль скорой

реанимационной помощи. Прибывает эта машина на базу крайснаба в Хабаровск, а её забирает крайздравотдел. Не помогли звонки из обкома партии и облисполкома к начальнику управления, который сразу же дал понять, что полученный автомобиль останется в Хабаровске, а когда придет другой, то его обязательно направят в область. Но всем уже было понятно, что следующего не будет. Так Хабаровск нас «прокатил» с медицинским оборудованием.

К пятидесятилетию юбилею области было принято специальное постановление ЦК КПСС и Совмина СССР, в котором предусматривалось строительство ряда объектов, в том числе областной филармонии. Надо отдать должное: строительство этого объекта от начала и до конца шло под патронажем первого секретаря Хабаровского крайкома КПСС А. Чёрного, которого прозвали за это прорабом. Не верилось, что за два года будет построено такое здание. Даже авторы проекта откровенно сомневались. Но Черный лично присутствовал на планерках, а когда дело близилось к завершению, то его участие ощущалось в решении самых сложных проблем окончания строительства – внешней и внутренней отделки помещений и особенно насыщения их аппаратурой и оборудованием.

Даже эскиз оформления занавеса на сцене концертного зала привезли ему в крайком КПСС на согласование. В кабинет первого секретаря вместе с Кауфманом зашла художница из Эстонии, кандидат искусствоведения, представлявшая проект занавеса.

Женщина побледнела и смутилась, когда Черный произнес, что из его кабинета никто без замечаний не уходит, – вспоминал Кауфман. «Предлагаю, – говорит он, – по низу занавеса пустить пятисантиметровую черную полосу, чтобы он не сильно пачкался». Художница так обрадовалась столь незначительной правке, что почти закричала: «Какое прекрасное замечание! Да, да, вы правы». Так был утвержден проект занавеса, ставшего действительно украшением и художественной ценностью лучшей филармонии на

Дальнем Востоке. В проекте благоустройства прилегающей к филармонии территории были предусмотрены фонтаны и многое другое, но выделенных средств на это уже не хватало.

Последнее постановление о развитии области было принято в 1988 году. Тогда были подписаны все документы на строительство овощеконсервного завода, что строители, по сути, бойкотировали. Их мощностей не хватало, чтобы вытянуть этот объект. Не были также построены холодильник на 6 тысяч тонн, птицефабрика.

В тот период началось строительство завода КПД – 100, что означало производство 100 тысяч кв. м жилья новейшей серии домов в год. Область в то время вводила около 50 тысяч кв. м жилья ежегодно. Смотрели вперед, не оглядываясь назад.

Но к концу восьмидесятых годов прекратилось финансирование, и десятки проектов промышленных предприятий, жилых домов были заморожены. Не ввели в действие пиковую котельную. В то время для города ввод её означал продолжение строительства и эксплуатацию заводов и фабрик, так как мощности действующей ТЭЦ были на пределе. Ввод в эксплуатацию каждого здания согласовывался в кабинетах правительства области, поскольку это было связано с нагрузкой ТЭЦ и тепла уже не хватало. В тот период были построены теплица, новые корпуса на Дальсельмаше, заводе силовых трансформаторов, авторемзаводе.

Действительность сегодня такова, что если промышленное производство будет пущено хотя бы наполовину, город вынужден будет вернуться к законсервированной пиковой котельной.

С распадом союзного государства в Российской Федерации был изменен статус ряда областей, входивших ранее в состав краев, в том числе Хакаской, Адыгейской, Карачаево-Черкесской, Алтайской и Еврейской автономных областей. Тогда же в Верховном Совете РФ была создана фракция национальных территорий, основной задачей которой ста-

ло повышение статуса национальных территорий и возведение их в ранг субъекта федерации с самостоятельным выходом на Москву, на министерства и ведомства. На волне этих событий наше Областное собрание народных депутатов приняло соответствующее решение о выходе из состава Хабаровского края.

В 1990 году на очередном съезде народных депутатов РСФСР были внесены изменения в Конституцию: исключена норма о вхождении автономных областей в состав краев. В 1991 году Президиум Верховного Совета предложил рассмотреть вопрос о преобразовании этих областей в республики. Попытка преобразования Еврейской автономной области в республику была и у нас. Это изменение административного статуса могло бы привести к непредсказуемым последствиям, и слава Б-гу, что всё в области осталось без изменений. Споры и разногласия были разрешены в кабинетах законодательной и исполнительной власти и не вышли далеко за их пределы. Мы ничего не потеряли и не выиграли бы от этих изменений. В 1992 году наша область подписала Федеративный договор, в котором были закреплены наши права как субъекта Российской Федерации.

В этот самый сложный период для России и Еврейской автономной области в 1991 году к руководству пришел Николай Волков. На плечи бывшего руководителя строительного треста выпала, наверное, самая трудная за последние десятилетия миссия – удержать на плаву экономику, производство, поддержать людей в их надежде на лучшие времена. В том, что область по многим экономическим показателям входит в число лидеров в Дальневосточном округе, есть и его заслуга. Но об этом периоде развития области ещё напишут историки.

В начале восьмидесятых годов после учебы в Высшей партийной школе, работы в редакции, которые значительно расширили мой кругозор и взгляды на жизнь, мне предстояло определиться с дальнейшей дорогой. Была в какой-то степени неудовлетворенность знанием идиш. Порой от-

кровенно переживал, что мой искусственный перевод текстов не может быть литературным, и не видел перспективы в работе. Редактор газеты Корчминский не стал препятствовать, когда мне поступило предложение перейти на работу лектором в обком КПСС, что было для меня в то время интересным и привлекательным со всех сторон делом. Оно требовало определенной подготовки, которую я получил, обучаясь в партшколе.

После работы в газете тяга к перу и бумаге не пропала. Во-первых, потому что в лекторской группе приходилось довольно много писать, готовя агитационные и пропагандистские материалы по различным направлениям деятельности КПСС. Во-вторых, предстояло готовить материалы для своих выступлений. А в-третьих, чтобы быть в курсе всех политических дел, надо было постоянно читать как открытую прессу, так и материалы для служебного пользования, которые регулярно информировали о происходящем в стране и в мире.

Нашим активом были люди из разных сфер деятельности, и, как правило, они не лезли за словом в карман. Как-то после одного семинара я услышал историю, очевидцем которой стал один из наших внештатных лекторов во время отпуска в Крыму. Сюжет в общем-то простой, но с весьма необычным финалом, что и подвигло меня написать небольшой рассказ. Суть его вкратце была такова.

В летнем придорожном кафе, куда мой знакомый зашел перекусить, было всего несколько человек. Полуденное жаркое солнце плавilo асфальт, и все живое устремилось под кроны деревьев или в любое другое укрытие. К кафе подъехала «Волга», из неё вышли водитель – спортивного, весьма крепкого телосложения человек, ростом под метр девяносто, – и, по всей видимости, его жена – интересная блондинка с фигурой, как говорят, девяносто – шестьдесят – девяносто.

Рядом с кафе проносились машины, которые периодически останавливал спрятавшийся в кустах гаишник. Как он

с ними разбирался, одному Б-гу известно, мы можем только догадываться.

Привлекательная пара присела за соседний столик и заказала обед с шашлыками, вином, фруктами. Официант принес обед, налил мужчине бокал вина, который он выпил, предварительно выслушав поздравления подруги.

Гаишник в это время также зашел в кафе перекусить и увидел, как водитель, что называется, принял на грудь. Выпив стакан сока и взяв сигареты, милиционер вышел и теперь уже больше смотрел не на дорогу, а на то, как управляется с обедом его будущий «клиент».

То ли от перегрева на солнце он перестал соображать, то ли решил, что не справится с мужиком и тот сбежит от него, ничего не заплатив, но гаишник не придумал ничего лучшего, как открутить колпачки и спустить пару колес. После этого он, довольный, стал расхаживать неподалеку от машины, дожидаясь окончания обеда.

Мужчина и женщина не заставили себя долго ждать, так как явно куда-то спешили. Подойдя к машине, они увидели гаишника, который, предвкушая легкую добычу, ожидал выпившего водителя, а также спущенные колеса машины.

Диалог между ними был весьма оживленным и долгим. В результате стало понятно, что гаишник получил полный «прокол». За руль, показав документы, собиралась сестра жена именинника, который позволил себе немного расслабиться. А что касается сотрудника ГАИ, то, сняв форму, он под хохот парочки качал колеса ручным насосом, обливаясь потом и проклиная белый свет и свою дурость.

Рассказ об этом я отправил в «Литературную газету», которая публиковала в то время анекдотичные ситуации на шестнадцатой полосе. Предварительно показал своим друзьям, которые с удовольствием прочли и посмеялись, но сказали, что газета не напечатает такой материал, так как это порочит нашу доблестную милицию, показывает её в довольно глупом виде.

Решили, что надо дождаться ответа редакции, а вдруг напечатают. Но чудеса происходят только на небесах. Редакция не объясняет причины отказа в публикации и не возвращает рукописи. Критика силовых ведомств в то время в любой форме была дозированной и позволялась только по команде сверху, а также отдельным мастерам сатиры и юмора рангом не ниже Аркадия Райкина.

В конце восьмидесятых годов партийная работа была в самом разгаре. Я работал уже заведующим отделом пропаганды и агитации Биробиджанского райкома КПСС. С большой надеждой тогда многие смотрели на М.С. Горбачева. У нас давно уже не было такого молодого, активного, полного новых идей Генерального секретаря. Мы надеялись, что после XIX Всесоюзной партийной конференции, на которой были подняты проблемы демократизации и гласности, в жизни страны наступят изменения. Но... партийные аппараты на местах решали все вопросы, как обычно, кулуарно, не особенно задумываясь о том, что происходит в центре. Партийная пресса в то время писала о нарушениях принципов демократии в парторганизациях. Они не были готовы работать в новых условиях, так как демократия могла подорвать устои их власти.

КТО НЕ С НАМИ, ТОТ ПРОТИВ НАС

Обсуждение решений Всесоюзной партконференции совпало с подготовкой к отчетно-выборной кампании. В Биробиджанском районе она проходила не совсем обычно. В ходе подготовки к ней я предложил использовать новые перестроечные принципы, заявленные Горбачевым на той партконференции, прежде всего в вопросах кадровой политики и идеологической работы.

Где-то за две недели до её начала меня пригласил первый секретарь райкома А.А. Скачков. Мудрейший и, может быть, наиболее порядочный человек из тех, с кем мне приходилось

работать в партии в те годы, знавший все тяготы жизни, умеющий говорить с простыми людьми на их языке, принципиальный и требовательный к себе и окружающим. Состоялся откровенный разговор о работе и жизни, о перестройке и перспективах. В конце беседы он сказал, что видит меня в новом аппарате в качестве секретаря по идеологии, очень хотел бы дальше вместе работать и надеется, что решит эту проблему.

Но через пару дней я его не узнал. Хмурый, неприветливый, он как бы механически выполнял свои обязанности. Мне стало понятно, что Скачков не нашел общего языка с партийным руководством области. А вокруг меня в те дни образовался какой-то вакуум. Коллеги старались без надобности не заходить ко мне в кабинет, а товарищи звонили и предупреждали, что готовится мой «идейный и политический разгром» за то, что выступил против партийной системы.

Зная, что моя позиция вызовет критику в руководстве, пригласил на конференцию собкора газеты «Правда» по Дальнему Востоку, повстречался с активом – теми, на кого мог рассчитывать. Надеялся, что все пройдет в цивилизованных рамках.

В день проведения конференции в «Биробиджанской звезде» была опубликована моя статья «Брат ответственность на себя», где был дан краткий анализ положения дел с перестройкой как в районе, так и в областном аппарате. Триста экземпляров этой газеты скупил в киосках и раздал участникам конференции перед началом её работы в надежде, что у людей проснутся сознание и совесть, «что не будет однородной и равнодушной массы добреньких зрителей».

Но с системой бороться невозможно. Чтобы устроить показательный «разбор полетов», а иначе это не назовешь, на районную конференцию были приглашены все первые секретари райкомов КПСС области, заведующие организационными отделами, присутствовали ответственные партийные работники области и края. Почти в каждом выступлении участников конференции по поводу и без повода в мой адрес звучала организованная уничтожающая критика.